

Карина Демина

Довещ
бабочке

Хельмовы игры

Карина Демина
Ловец бабочек

«Автор»

2018

Демина К.

Ловец бабочек / К. Демина — «Автор», 2018 — (Хельмовы игры)

Тиха и скучна жизнь в провинции, да только и здесь порой случаются дела престранные. То приворожить воеводу нового пытаются, то головы шлют в коробках, то вовсе Тайная Канцелярия невозможное задумала: с Хольмом если не дружбу завести, то всяко расследование совместное учинить. А то ведь завелся в краях тамошних маниак, смущает умы мирных граждан.

Содержание

Глава 1. В которой происходит некое событие, нарушающее спокойное течение провинциального бытия	5
Глава 2. Где утро неприятного дня лишь начинается	15
Глава 3. О прошлом, которое не отпускает	28
Глава 4. Следственная	41
Глава 5. В которой некая особа пытается осознать глубину своей вины либо же невиновности	50
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Карина Демина

Ловец бабочек

Глава 1. В которой происходит некое событие, нарушающее спокойное течение провинциального бытия

Не надо делать мне как лучше, верните мне как хорошо!
Глас вопиющего.

Когда в коробке из-под эклеров «Помандурь» обнаружилась голова, Себастьян окончательно и бесповоротно осознал: день не удался.

Событие сие, весьма знаменательное, произошло в десять часов семнадцать минут утра, и свидетелем ему стала панна Гуржакова со своей осемнадцатилетней дочерью, а тако же извечная ее соперница, панна Белялинска, заявившаяся в воеводство сразу с двумя дочерьми. А потому уже к вечеру и о коробке, и о голове, и о многих иных вещах, которых в действительности вовсе не было, знал уже весь город. К утру о происшествии написали в местной газете, именовавшейся гордо «Гласом правды», отчего-то в колонке советов панны Утрик, сразу после рецепта засолки бочковых огурцов...

...а к вечеру обнаружилось и тело.

В Хольме.

И было сие, как оказалось, весьма своевременно...

После, вспоминая события того злосчастного, а может, наоборот, счастливого – само собою не для головы – дня, Себастьян не мог отрешиться от ощущения, что его предупреждали. И пусть Провидение воздержалось от знаков явных, навроде грома небесного и огненных буковей, которые несколько бы разнообразили скучную серую обстановку рабочего кабинету, но избрало для предупреждения путь извилистый, усыпанный мелкими неприятностями, но внять его гласу следовало. С другой стороны, внимай или нет, но избежать головы и воспоследовавшего ее появлению разбирательства, Себастьян при всем своем желании не сумел бы.

Да и не было у него желания.

Что сказать, Гольчин – городок не то, чтоб маленький, да какой-то тихий, сонный, проникнутый особым духом уездного болота, которое столичному гостю было откровенно мелко. И если в первые месяцы Себастьян забавлялся, возвращая – а почитай, возрождая – местное воеводство, что за годы под рукой предыдущего воеводы, отправленного сюда в почетную ссылку да по сему поводу предававшемуся печали и винопитию, вовсе захирело. И захиревшее, не желало подчиняться твердой Себастьяновой руке. Да и было то воеводство... так, два старших актора да пятеро младших, престарелый заскучавший ведьмак и штатный некромант, большую часть времени проводивший в опиумных грезах. И отправить бы его, этакого, в отставку, да только воеводству без некроманта вовсе невозможно, а где его взять за те гроши, кои на содержание от казначейства положены?

Нет, с младших акторов Себастьян сонливость согнал.

Старших, мыслями пребывавших в почетной отставке, до которой оба дни считали, в сознание привел. Ведьмака вот трогать не стал, оно ни к чему, старый он аль нет, да оно себе дороже... а вот с некромантом договориться не вышло.

Даже макание в студеную воду и угроза вовсе силу запечатать не помогла.

Как и кляузы в столицу.

Кляузы читали. Пальцем грозили, требуя провести с некромантом воспитательную работу и так, чтобы она работа возымела эффект в виде осознания пагубности опиумной страсти, а заодно уж обещали премию на целителя... правда, где взять такого целителя, который бы за такую работу взялся, не говорили.

Ничего.

Себастьян пообвыкся.

Присиделся на воеводском месте.

Креслице прикупил, мягкое, с винною кожаной обивкой да золотыми гвоздиками, ибо без золотых гвоздиков воеводе неместно. Портрет государя, опять же, справил новый, ибо сие по обычаю положено, да и старый, положи руку на сердце, столь мухи засидели, что и понять неможно было, государь на нем намалеван, аль кто иной. А может, не мухи тому виной, но непризнанный гений местечкового живописца, подвизавшегося на малевании парадного портрета. Злые языки баили, что портретов подобных у него цельная мансарда намалевана, что при генеральских регалиях, что при иных парадах, главное, все они статей единых, солидных, и надобно лишь, когда нужда приходит, физию заказчика изобразить. Врут ли, Себастьян не знал, но после четвертого портрета, поднесенного «во уважение» – и вправду, не взяткой же новому воеводу кланяться – призадумался, поелику были все портреты, что его собственный, что государев, что наследника, коий имел несчастье посетить Гольчин визитом, одинаково пафосны, полны позолоты и пурпура, а у государя, лик которого с истинным сходство имел весьма слабое, еще и корона возлежала. И держали ее две белых голубки.

– Сие есть аллегория божественной сути власти, – изрек творец, смахнувши верноподданническую слезу. – И миролюбивости нонешнего государя, пусть продлит Вотан годы счастливого его правления...

И вновь слезу смахнул.

Платочком.

Батистовым.

Платочек оный с вышитою в уголочке монограммой, призван был свидетельствовать о тонкости души пана Кругликова, а тако же о трепетности его натуры, которая пребывала в вечном поиске вдохновения и музыки. Муза требовалась не лишь бы какая, но с солидным приданым, а заодно уж приятной наружности и легкого норову. Почему-то средь окрестных девиц, для которых пан Кругликов еще недавно являл собой воплощенную мечту идеального жениха, такой не находилось. То норов крутоват, если не у невесты, то у невестиной маменьки, то приданое для такого норову маловато, то внешность такова, что никакое воображение не спасет... нет, пан Кругликов не торопился, выбирал... и вот довыбирался.

На нового воеводу, которому был представлен стараниями вдовой генеральши Гуржаковой – женщины в годах, норову боевитого и характеру зловердного – он глядел с тоской, осознавая, что ничего-то не способен противопоставить такому... такому...

Слова подходящего, чтобы воеводу нового описать, пан Кругликов не нашел, но дал себе зарок изобразить его истинную натуру, которая ноне скрывалась за аглицким шерстяным костюмом. Небось, на заказ шитый, ишь как сидит... и рубашка хороша батистовая, брусвяного колеру. И шейный платочек завязан с исключительною небрежностью. Туфли сияют, будто бы ступал воевода не по колдобинам, грязию залитым, но по воде, а то и по воздуху. Главное ж было не в туфлях, Вотан с ними, с туфлями, свои-то пан Кругликов вытер платочком, само собою, не батистовым, коий держал для особых моментов душевного взлету, но обыкновенным, тряпичным... нет, дело было в физии.

Лощеной.

Самодовольной.

В такую физию бы плюнуть... и пан Кругликов осознал, что муза, покинувшая его еще в далекие студенческие годы, когда сменял он полет вдохновения на звонкую монету, кото-

рой платили за малеванных государей, вернулась. В тот же вечер, откланявшись поспешно к вящему удовольствию генеральши и ейной дочери, которая была в отличие от маменьки тиха и дебела, он возвратился в мастерскую и, скинув лиловый сюртук – художнику пристала некоторая эксцентричность – взялся за работу.

Он вдохновенно писал всю ночь.

И еще немного утром.

И утомленный, но беспредельно счастливый, уснул лишь в одиннадцатом часу. Мечта плюнуть в физию цельному князю была почти осуществлена, оставалось дожидаться, когда она физия, изображенная – тут бы и сам князь не стал отрицать очевидного – с немалым талантом, высохнет...

...после пан Кругликов не единожды встречал тайного врага своего – тайной это было прежде всего для самого Себастьяна – и убеждаясь, что оный враг нисколько не утратил статей, возвращался на мансарду, где, устраиваясь перед портретом, в выражениях витиеватых и изысканных хулил воеводу. Монологи сии, следовало признать, давали ему не только немалое успокоение, но и некое не совсем понятное, но все же приятное, пану Кругликову чувство собственной значимости...

Впрочем, в тот злосчастный день мысли пана Кругликова всецело занимала панночка Вересовская, особа не сказать, чтобы молодая – намерении исполнилось ей двадцать четыре годочка, что по меркам провинциальным для девицы незамужней было непозволительно много. К событию сему, для самой именинницы безрадостному, и был заказан парадный портрет. В процессе созидания оного – весьма длительном, ибо в кои-то веки решился пан Кругликов отступить от заведенного шаблона – и пришло осознание, что зрит он пред собой именно музу, коию столь безуспешно искал прежде.

Была панна Верескова мила, наружностью обладала приятственной, пусть и несколько портил оную выдающийся нос. Голос имела тихий, норов – незлобивый. А паче всего являлась она единственною сестрою весьма состоятельного купца, который... Впрочем, о брате она говорила нехотя, как и об обстоятельствах, приведших ее в Гольчин.

Пан Кругликов не настаивал. Мало ли у кого и какие тайны имеются. Он и сам-то...

– Вы с ним знакомы? – тихим голосом поинтересовалась как-то Агнешечка и покраснела премою. – С воеводой? О нем только и говорят... он такой...

Она запнулась.

А в груди пана Кругликова вскипел гнев.

До чего жизнь несправедлива! Живешь тут, живешь... годами обхаживаешь, что купчих, что генеральш, что иных особ владетельных, а значит, норову дурного и спеси неимоверное, ищешь себе партию подходящую.

И найдешь ведь.

И ухаживать начнешь – пан Кругликов уже и стихи собственного сочинения зачел, и букет преподнес цветов полевых, и даже обещался бесплатно миниатюру изобразить – но появится хлыщ столичный и все...

– Он вам нравится? – пан Кругликов замер, кисть в руке его дрожала, грозя попортить портрету, которая была почти уже закончена. И пожалуй, не считая того, тайного, о существовании которого пан Кругликов никому не рассказывал, она портрета была лучшей, из написанных им в последние годы. На ней панночка Верескова гляделась юною и прозрачною, будто нимфея.

– Не знаю, – молвила она со вздохом. – Мне просто интересно... понимаете, я никуда не выхожу... даже к вам... я никому не говорила... просто вот... мы познакомились и... а о нем говорят... но...

– Вертопрах, – пан Кругликов почувствовал, как в груди его рождается огонь надежды. – Он несерьезен... и женщин не уважает.

– Да?

Глаза у Агнешки были темны, что омуты... ресницы длинны... и взгляд! О, сколь многое увидел пан Кругликов в этом взгляде.

– Я сам слышал, как говорил он, что местные девицы совсем стыд потеряли. Ни вдохнуть, ни выдохнуть...

Он решился и кисть отложил.

И сделал шаг.

Руку протянул дрожащую.

– В тот миг, когда узрел я вас, – слова слетели с губ, а сердце застучало быстро, безумно, – я осознал, что жил во тьме... и лишь с вами свет счастья возможен. Пусть я не князь...

Панна Верескова сложила ручки на пышной груди, стесненной поплиновым платьем.

– Пусть я не столь богат... не столь уж и знаменит, но я желаю составить вам счастье... будьте моею женой, Агнешка!

Так он именовал ее в мечтах, и произнесши имя вслух, вдруг поверил сам, что все отныне возможно. А она, подобрав пышные юбки, молвила:

– Вы... вы меня смущаете...

– Прошу... умоляю вас... не отвергайте страждущего... дайте хотя бы надежду малую... обещайте подумать...

– Мне нет нужды думать, – она ответила робкою улыбкой, которая преобразила нехорошее ее лицо, сделав Агнешку почти красивой. – Я знаю ответ... я согласна...

...пан Кругликов понял, что еще немного и он умрет от счастья.

И не ошибся.

Правда, умер он вовсе не от счастья...

...в тот самый день панна Гуржакова встала с ясным осознанием своей правоты. Впрочем, сие было для нее привычно, ибо ситуации, когда она, Аделия Гуржакова, урожденная Вишойт-Поневская, могла бы быть не права, она и представить не умела. Да, воображением ее Вотан обделил, зато одарил многими иными, куда более полезными качествами.

– Вставай, – велела она дочери, которую любила безмерно, хотя материнская любовь и не мешала ей видеть многие недостатки, а тако же прикладывать все усилия для устранения последних.

Недостатки не устранялись.

Дочь сопротивлялась, но вяло, вяло... вся-то она была вялая и ленивая, сонная, в батюшку пошла... тот тоже был мягкое беззубое натуры, и когда б не старания панны Гуржаковой, так бы и остался в младших чинах.

– Маменька, рано еще, – Гражина зевнула, широко и сладко, не подумавши рот прикрыть веером или хотя бы рукой.

– Солнце встало, – панна Гуржакова решительно раздвинула бархатные портьеры. – А у нас дело имеется.

Дочь сидела в перинах, что в мехах, позевывая и почесываясь. Вновь сетку не надела, а говорено ей было не раз, что сетка волосы бережет. Вона, внове спутались, а начни чесать – скулить станет, дескать, больно...

Дай волю, так и будет лежать до полудня.

В халате.

Точно, отцова кровь... и щеки его пухлые да розовые, от которых никак избавиться не выходит, чего уж панна Гуржакова ни делала: и на воду дочь сажала с овсянкою пустою, и укус пить заставляла, и особый бальзам, для томности образу, купленный за два золотых по рекламе. Щеки оставались круглы и румяны. Подбородки числом три прикрывали короткую

шею. Уши торчали, даже когда панна Гуржакова их специальными прищепочками к ленте крепила, одно с другим стягивая...

Нет, следовало признать, красавицею дочь не была.

Но это же не главное! И сама-то панна Гуржакова, признаться, не вышла статью, однако же данное обстоятельство не помешало ей жизнь свою устроить самым лучшим образом. А ныне она и для дочери постарается, раз уж та сама за себя стараться не желает.

Гражинку она умывала сама.

И чесала, не обращая внимания на всхлипы, только приговаривала:

– Надевай сетку... надевай...

– Она неудобная, – пискнула Гражина, когда матушка отложила в сторону гребень. – Путается.

– Зато лохматою ходить удобно, – возражений панна Гуржакова не терпела. – И потерпеть красоты ради... вот я в твои годы на косточках спала, чтоб волос кучерявился, тоже неудобно было... ничего, оно того стоило!

Она б и ныне на косточках спала, да только надобность в этой великой жертве отпала вместе с волосами, которые сначала истончились, сделались хрупкими, а после и коварнейшим образом поредели, проклюнув на макушке вовсе неподобающую генеральше лысину. Испробовав с полдюжины патентованных бальзамов, панна Гуржакова вынуждена была признать: прежний блеск и густоту волосы не обретут, а значит, надобен иной вариант.

И она его-таки отыскала.

– Маменька, – Гражина заныла, почуяв на пухлых боках своих тиски корсету.

Хорошего, за между прочим, корсету.

Из китового уса сделанного да по особому крою, чтоб не только живот убрать, но и в груди прибавить. Следовало признать, что и груди у Гражины было мало...

– Выдохни, – панна Гуржакова уперлась коленом в спину и изо всех сил потянула шнуры. Корсет затрещал, Гражина заныла, а панна Гуржакова вновь же осознала, что время-то уходит.

А ну как опередят.

Кто?

Да известно кто, небось, не одна Гражина в невестах ходит. Вона, у Белялинской ажно двое, и пусть старшенькая уже перестарком двадцати двух годочков от безысходности, не иначе, помолвилася с приказчиком батюшкиным, зато меньшей лишь семнадцатый пошел.

И собою Белялинска-младшая была хороша.

Личиком кругленька, бледна и томна. Глазья имела огромные, этакие и чернить для пущей глубины с выразительностью нужды нету... да и старшая, пусть помолвленная, но ведь еще не замужня, долго ли при должном умении переиграть? А умения панне Белялинской было не занимать.

Хитра, подлюка.

Коварна.

И слово дала, что сделает дочку воеводшею... нет, не бывать тому!

И не иначе, как злость придала сил, потому как корсет захрустел, Гражинка охнула да и замерла с раскрытым ртом и талией в рюмочку.

– А теперь послушай меня, Гражина, – чехол платья панна Гуржакова натянула ловко и с пуговичками мелкими, в два ряда нашитыми, управилась весьма скоро. – Вот что ты сделаешь...

...конечно, план панны Гуржаковой был рискован и слегка незаконен, но если все получится...

Получится.

Она решительнейшим образом отмахнулась от слабого голоса разума, который советовал не рисковать. Нет, она рискнет.

Ради счастья дочери.

Правда, та счастливой вовсе не выглядела, напротив, на лице ее, обычно спокойном, как затхлый пруд в полдень, появилось выражение величайшего удивления и даже ужаса...

– Мама, – голос Гражины был слаб, то ли от избытку эмоций, которых она старательно избегала, то ли от слишком тугого корсету. – Но...

– Слушай маму, – панна Гуржакова взбила кружево, которым был оторочен вырез. Не то, чтобы вырез этот был так велик, чтобы нуждаться в кружевной вуали, скорее уж следовало признать, что демонстрировать Гражине было нечего, а кружево... кружево и молодая девица – это так привычно. – Мама плохого не посоветует. И рот прикрой.

Гражина послушалась.

За свои восемнадцать лет она твердо усвоила: не надо спорить с мамой.

Панна Беялинска тоже проснулась на рассвете. Вообще следует сказать, что спала она в последнее время весьма дурно и причиной тому были вовсе не мигрени, на которые она привыкла ссылаться в обществе, как на болезнь приличную и даже присталую особе ее положения. Нет, мигрени мигренями, а бессонница...

Она повернулась к супругу, который спал на своей половине кровати, благо, та была достаточно широка. Калачиком свернулся. Одеяльцем укрылся. И сопит, такой отвратительно беззаботный. Этот невозможный человек даже причмокивал губами во сне. Этого ранимая душа панны Беялинской вынести не могла. И достав из-под кровати мухобойку, она с наслаждением шлепнула супруга по лысине.

– Что?!

Тот подскочил, смешной и нелепый в широкой ночной рубаше.

И колпак потерял.

И теперь седые бачки топорщились, один ус был выше другого, и вовсе походил пан Беялинский на взъерошенного дворового кота.

– Спишь? – спросила панна Беялинска и голос ее сорвался на шипение. – И совесть тебе не мешает?

– Сплю. Не мешает, – супруг протер глаза. – А тебе все неймется... я же сказал, надо просто немного подождать...

– Мы уже третий год ждем, – она сняла ночной чепец и пристроила его на мраморную голову государыни, подаренную ей панной Гуржаковой к юбилею. Не государыни, само собой, но панны Беялинской, которая в прошлом годе изволила отметить именины, о числе лет прожитых скромно умалчивая.

Голова раздражала своей мраморной никчемностью, но была все лучше парпоровой напольной вазы, подаренной за год до того.

– Тебе не кажется, что ожидание несколько затянулось? Скоро все узнают, – она тоненько всхлипнула. Некогда сам намек на слезы приводил пана Беялинского в ужас, а ужас заставлял исполнить любую прихоть прелестной Ганночки. Следует отметить, что пользовалась она этим не так и часто, в особых, так сказать, случаях.

Но и тех случаев, выходит, за двадцать лет браку набралось изрядно, а может, дело не в них, но в том, что за прошедшие годы пан Беялинский возмужал и очерствел душой, а потому лишь поморщился.

– Прекрати, Ганна...

Две слезинки покатались по щекам, но супруг лишь отвернулся.

Невозможный человек!

Ганна подошла к зеркалу.

Ах, годы пролетели, и куда подевалась смуглявая кокетка? В темных волосах седина блестит, и такая поганая, что красишь ее, красишь, а она все одно вылезает. И ладно волосы. Вон,

в уголках глаз давно уж появились гусиные лапки морщин. Щеки чуть обвисли, наметился второй подбородок. Панна Белялинска разглядывала себя с неудовольствием отмечая и тени под глазами, и нездоровую бледность исключительно нервического происхождения. Этак со всеми заботами нонешними она и состарится до срока! И в могилу сойдет.

Себя стало жаль неимоверно.

– Успокойся, – Феликс обнял.

Невысокий.

Полноватый.

Он и прежде-то гляделся не парюю ей, и сам-то так думал, а она не спешила разубеждать, но напротив при всяком удобном случае подчеркивала, сколь много потеряла, на сей брак согласившись. Имя... звание... титул тятенькин... и все одно, что за титулом этим пустота. Имение тятенька заложил и перезаложил, а деньги спустил в вист...

– Скоро все станет, как прежде, – Феликс умел быть убедительным.

Он, начиная ухаживать, робел и краснел, сам шалея от собственной смелости... как же, купец... всего-то купец... и ладно бы из первой сотни, но нет, за душой – лавчонка и прожект смелый по тем временам. А она поверила...

Разглядела...

И согласилась, решивши, что уж лучше купец, чем тихое увядание в рассыпающемся доме. Надоело ей мерзнуть и есть запаренную сечку, которую вроде как для скота покупали, только скота не было... ах, она по сей день помнит вкус подгорелое пшенки, что маменька варила...

...никогда больше....

...что угодно, только не нищета...

– Мне обещали новый товар, – шепот Феликса спугнул тени.

...пыль в углах... слуг пришлось рассчитать, оставив лишь полуглухую старуху, которой идти было некуда, вот и согласилась за еду работать. Девочки жаловались поначалу, после привыкли помогать одна другой. Но в глазах их Ганне виделось знакомое...

...страх.

...если узнают... когда тятенька проигрался крупно, когда вынужден был продать все более-менее ценное в доме, а потом и сам дом, тогда-то все и переменялось. Исчезли маменькины приятельницы... и бонна... и горничная... и все-то люди, которых прежде было множество, и каждый норовил уважение выказать.

– Особый... дорогой... – Феликс убрал седеющую прядку и поцеловал шею. – Только...

– Незаконный?

Ей не было нужды слышать ответ. Сама понимала. Это прежде-то Феликс с Хольмом торговал. Один. Рисковый. Почти безумный, как полагали одни, не понимая, что это безумие приносит золото, а золото...

...шоколад.

...шубка соболья, которую он купил Ганне с первой крупной сделки...

...дом этот и все, что в доме...

И ведь не было ничего незаконного... травы, зелья... потом уж кое-что не совсем обычное, на любителя... нет, Ганна предпочитала не лезть в мужнины дела, довольствуясь лишь тем, что знала – эти дела выгодны. И кто мог предположить, что все настолько переменится?

И вот теперь...

– Это опасно, – не стал отрицать Феликс. – И я не дал еще согласия...

– Так дай!

Чего он медлит? Ждет, когда Ганна сама вынуждена будет взяться за ведро и тряпку? Полы дубовые грязью заросли, не говоря уже о коврах. Тех коврах, которые еще остались в доме.

– Ганнушка, – он отступил. – Я люблю и тебя, и девочек...

– Любишь? Тогда почему, – она подхватила метелку из перьев и ткнула ею в круглое лицо мужа, – почему я живу в такой нищете... мы живем...

Метелка упала с глухим стуком и покатила по полу.

– Ты ведь обещал, помнишь? Что я не буду ни в чем нуждаться, что... а теперь вот...

– Мы можем продать дело, – Феликс руки убрал. – И этот дом. Зачем нам такой большой? Мария скоро выйдет замуж. Да и у Бавнuty поклонников хватает, думаю, в девках не засидится. А мы переедем.

– Куда?

Она с трудом удержала кривоватую усмешку.

Поклонники?

Сколько останутся, узнав, что богатая невеста вовсе не так уж богата?

– Да хоть куда... главное, маленький домик для нас двоих... помнишь, как мы когда-то мечтали... а девочки будут наезжать...

Маленький домик?

О да, она прекрасно знает, что такое маленький домик с дрянной печью и земляным полом.

– Нет.

Никогда.

Ни за что!

Она помнит, как бывшие подруги матушки отворачивались, завидя ее в городе, а то и вовсе спешили исчезнуть, будто бы по каким-то своим важным делам, а на деле опасаясь, что она, некогда гордая княжна Вихтюкова, попросит о помощи...

...если и не попросит, то... несчастья заразы.

Нет, панна Белялинска скорее умрет, чем допустит повторения. И супруг, понимавший ее всегда – это свойство его удивляло – тихо произнес.

– Деньги обещают очень хорошие, но... то, что придется сделать... это не только незаконно, но и опасно... если меня поймут...

– Сделай так, чтобы не поймали, – Ганна не желала знать больше, потому как знание лишнее сделало бы ее соучастницей, да и вынудило бы принимать решение.

Вздых.

Тишина.

И рассвет за окошком брезжит. Окошко бы вымыть не мешало, но старуха отказывается. Она упряма и злоязыка, понимает, что и панне Белялинской деваться некуда, вот и позволяет себе больше, чем может позволить воспитанная прислуга.

– Чего ты боишься? – наконец, произнесла Ганна, присаживаясь на край постели.

Простыни льняные с вышивкой...

...простыни не продашь, верней, дают за них слишком мало...

– Ты же сам говорил, что все налажено, что... – она подняла треклятую метелку и постучала по резному столбику. С балдахина посыпался мелкий сор. – Или дело в этом мальчишке?

...конечно...

...прежний воевода был сонлив и леноват. Его если что и заботило, то псовая охота, до которой он был большим любителем. Он много пил и, выпивши, становился разговорчив сверхмеры. Все жаловался на жизнь несправедливую... Ганна слушала.

Она умела слушать и быть любезной.

Сочувствовать.

И просить о малых услугах. Да и просить нужды не было, все и так знали, что Белялинские с воеводою крепко дружны, а потому...

...и надо ж было случится такому...

Отставка.

Отъезд поспешный, больше бегство напоминающий. И этот мальчишка столичный, жизни не видавший, явился, будто мало им было неприятностей...

Панна Белялинска поморщилась.

Новый воевода ей не то, чтобы вовсе не по нраву был, но... не вовремя, Хельм его побери, до чего же не вовремя. И ладно, был бы он похож на прежнего, чтобы военный отставной, не шибко умен, зато на лесть падок, панна Белялинска уж нашла бы способ подружиться. Ан нет, этот скользок, что угорь, вроде бы и улыбается всем, и любезности из него сыплются, что горох из драного мешка, да только пустословие сие... взгляд холодный, оценивающий.

И норовом, сказывают, крут.

И хуже того, любопытен, вопросы задает опасные, лезет, куда не просят. Ему уж и так, и этак люди знающие намекали, что от лишнего любопытства случаются неприятности, а он не понимает будто бы...

– К нему просто надо найти подход, – Ганна провела пальцем по шелковой нити, на которой висел шелковый же мешочек. А уж что в оном мешочке лежала, об том она старалась не думать.

Раньше старалась.

А теперь от подумала и мысль ей пришла по нраву: может получится...

Определенно.

– Подход... а лучше...

– Ганна! – Феликс нахмурился, но как-то не всерьез, значит, и сам о таком думал. Вот и славно... вот и хорошо...

– Нет, – она не собиралась терпеть возражения.

Да и разве желает худого?

Князь уже не так, чтобы и молод, но не женат. Почему? И нет ли за лоском его какого ущерба? А ее девочки хороши обе, любому составят счастье. И дела пошатнувшиеся поправить можно, ежели с умом... ежели заставить воеводу слушать родичей, а заставить несложно.

Щепотка серого порошка, даже не щепотка, а так, пара крупинок на конце клинка...

Слово, сказанное на том, другом языке, ныне запретном и по другую сторону границы... слово Ганна знала, все же, кроме темных волос да глаз черных, материных, досталась ей наследство особого свойства.

...пусть выбирает любую девочку...

...любит ее... и родичей новых... пусть забудет о дурном, а думает о том, об чем думать велено...

– Ганна, – Феликс тряхнул ее, заставивши выпустить заветный мешочек. – Не спеши. Он ведь не просто так, а под королевским благословением ходит. И защиту на него лучший ведьмак ставил...

– Где тот лучший ведьмак теперь? – Ганна скривила губы.

Надо было сразу...

А она, дурная, все боялась... чего? Силы своей, наследной? Той капля малая. Вот в девочках сила возродилась, и учить бы их... она и учила, по малости... вот матушка самой Ганны так и не сумела с этой силой сдюжить, только повторяла, что божьею милостью... какую милостью? Глядишь, когда б переступила разок через свои страхи...

...что страхи иные? Скоро придут за деньгами, и что Феликс отдаст?

...прошлый раз серебряною посудой откупился, но ее не осталось больше, как не осталось и подсвечников, и картин, и ковров драгоценных, не говоря уже о настоящих драгоценностях. Их первыми продали.

...а вот станет тестем воеводиным, тогда трижды подумают, прежде чем соваться.

...да и прижмет князь прочих охотников.

...он ведь неглуп, понимает, что все одно товар будет идти, так пусть уж через свои, ближние руки...

– Ганна...

– Пойду, – она усмехнулась ласково, провела рученькой по влажноватой мужниной щеке. – Девочек разбужу. Пора. Которая сумеет, той и княжной быть.

А он, ее муж, обещавший, что никогда-то она вновь не испытает нужды, не остановил.

Дочери, к счастью, поняли с полуслова.

– Мой разозлится, – сказала старшенькая задумчиво. Особо огорченную она не выглядела, да и со свадьбой не торопилась, верно, поутихла любовь. Или сам жених, почуявши, что не столь уж богата невеста, как мнилось ему, решил отступить?

– Пусть злится, – младшенькая потянулась. – Я за князя пойду... княжной стану...

– Ишь ты, хитрая, – старшая встала. – Еще не доросла ты до княжны...

– Зато ты переросла...

Ганна тихо вздохнула: на самом деле любили сестрицы одна другую, и стоит ей выйти, притворить дверь, как договорятся, кому из двух князь отойдет.

Вот и ладно.

Глава 2. Где утро неприятного дня лишь начинается

За каждым нервным тиком стоит чья-то увлекательная история.

Из записок пана Шмурова, известного познаньского душеведа, сделавшего изрядную карьеру на дамских слабостях.

Ночью пели петухи.

Нет, Себастьян знал, что петухам положено петь на рассвете, но местечковые, то ли близостью к Хольму взбудораженные, то ли просто по природе своей дурковатые, пели, когда им вздумается. И главное, квартировался-то он в чистой части города, где не принято было держать подворья с живностью, а вот поди ж ты...

Пели.

Заливались.

И разбудили панну Гжижмовску, хотя ж она на сон дурной никогда не жаловалась, а порой и похрапывать изволила так, что драгоценный ее хрусталь позвякивал.

– От ироды! – панна добавила пару слов покрепче.

Молодость ее прошла на границе, в сени папеньки-генерала, героя и воителя, а тако же его героических приятелей и люду попроще. Памятью о том остался альбом с потускневшими дагерротипическими карточками, пара сабель, привычка курить трубку и заковыристая ругань, которую панна делилась неохотно.

Переживши и папеньку, и супруга, и единственного сына, она осела в Гольчине, прикупивши небольшой дом. И хотя ж состояние ее позволяло существовать вполне безбедно, но одинокое житие панне Гжижмовской было непривычно и неприятно, оттого и развлекалась она, сдавая комнаты приезжим.

Себастьяну-то полагалось служебное жилье, но некою причудой канцелярии генеральские апартаменты на Беличьей слободке уже годочков десять как признаны были негодными и хитрым вывертом закона отошло в руки пана Пананченкова. Сия участь постигла еще с дюжину служебных квартир, а единственная уцелевшая, не иначе как чудом, была столь тесна и темна, что обретаться в ней привольно было лишь тараканам, что оные и делали, размножившись в вовсе неприличных количествах. Нет, делу-то Себастьян ход дал, крепко подозревая, что до суда оно не дотянет, а коль и дотянет, то погрязнет в судейском мелком крючкотворстве. Однако чувство выполненного долга проблемы жилищное не решило.

– Спишь? – крикнула панна Гжижмовска из гостиной, которую держала за курительную комнату.

Она усаживалась в кресло-качалку, накидывала на колени одеяло из медвежьей шкуры и, доставши из цианьской шкатулки с драконами трубку, набивала ее крепким табаком-само-садом, кой выращивала в мраморных клумбах вместо азалий.

– Сплю, – откликнулся Себастьян.

Квартирная хозяйка всем-то его устраивала.

Была нелюбопытна или же грамотно притворялась нелюбопытной. Сплетничать не сплетничала. Готовила. Убиралась. И компанию составить могла, что за партией в шахматы, к которым пристрастилась, как и к табаку, в юные годы, что за бокалом коньяка. Но вот имелась у ней одна слабость: любовь к ночным разговорам. К счастью, приступы меланхолии случались редко, но уж коли случались...

– Гони свою шалаву... – обладала панна Гжижмовска густым сочным басом, и говорить тихо была не приучена. – Из дому... и вообще...

– Да что вы себе позволяете! – взвизгнула Ольгерда.

И Себастьян понял: ночь можно считать состоявшейся. А ведь до рассвета еще час почти. И после рассвета он бы поспал... был бы актором, точно поспал бы до полудня, а там кофию принявши, кликнул бы извозчика и отправился б в присутствие с ветерком. А там уж и при-сочинил бы для начальства историю малого житейского подвига...

Но воеводе опаздывать неможно.

Как он с других требовать станет, чтоб вовремя являлись, коль сам до полудня поживает? Нет, прежний-то воевода имел подобную привычку, и чем все закончилось? Квартиры распро-дали. В самом управлении разворовали все, что воровству подвластно. Бумагу для канцелярии и ту за свой счет покупать пришлось, не говоря уже о чернилах... кто бы знал, сколько чернил уходит... а еще крыша прохудилась, надобно ремонтировать, но денег на сие нет.

...покрытия ковровые сменить, а то вид у управления убогий донельзя.

...с мебелью придумать.

...окна подправить, пока лето, а то будет как прошлую зимой, когда Себастьян мало что не окошел, до того из окон сквозило.

...а еще кляузники к девяти подойдут, тут и думать нечего. И опоздай он на минуточку, мигом об том сообщат. Впрочем, если и не опоздает, то все одно сообщат, как от прошлый раз, когда написали, что вид он имел не по праву горделивый, одет был вызывающе и хвостом мотал. Последнее – чистое вранье, хвост свой Себастьян ценил и берег...

Определенно, актором жить было проще.

– Себастьян, скажи ей! – Ольгерда села на кровати и, забравши одеяло, – а между прочим зябко уже, даром, что только вересень наступил, – закрутилась в него. Точнее сделала вид, что закрутилась, при том аккуратненько складочки расправила, чтоб подчеркнули оные точеную прелесть смуглого плечика. Ножку выставила.

Волосы взбила...

Красавица.

Но до чего скучна!

Ему ныне отчет полугодовой сводный писать, по раскрываемости и причинах, мешающих оную раскрываемость сделать полною, как сего требовало пятое предписание. Акт опять же о ревизии подвалов, где хранилище улик располагалось, но отчего-то плавно переросло во хра-нилище всякогого хлама... со Стешковского объяснительную стребовать в письменной форме, раз уж в устной он понять не способен, что актору королевскому нельзя в подштанниках на столе выплясывать. Нет, Себастьян понимал, что спор – дело такое, но все ж могли бы стол подобрать в харчевне простой, а они, ироды клятые, в «Золотую перепелку» поперлись...

В обеденный час.

...а обедала в «Перепелке» публика почтеннейшая, и теперь Себастьяну предстояло объ-яснить этой публике...

Голова заныла.

– Ты меня не слушаешь! – Ольгерда губки надула. – Тебе от меня одно надо!

– А то... – помимо трубного голоса панна Гжижмоская обладала на редкость тонким слухом. – С тебя помимо этого одного и взять-то больше нечего!

– Себастьян, скажи ей!

На личике Ольгерды проступили алые пятна. Нехорошо получается, но... Себастьян вздохнул и предложил:

– Давай, я извозчика вызову?

...к счастью, телефонный аппарат в доме панны Гжижмовской имелся, что, собственно говоря, и стало наиглавнейшим аргументом в пользу выбора этой квартиры.

– Ты... – Ольгерда вскочила, позволив одеялу соскользнуть. Нагая, она была прекрасна, но ныне эта красота оставила Себастьян равнодушным. Мысленно он подбирал формулировки для развернутого ответа... – Ты меня не любишь...

В темных очах заблестели слезы.

– Не люблю, – вынужден был признать Себастьян.

– Что?!

– Что слышала, – отозвалась панна Гжижмовска. – Не любит он тебя.

Запахло табаком.

– Ты... ты вот так говоришь об этом?! – ресницы дрожали, щеки пылали, но было в этом пылании что-то такое, нарочитое, театральное.

– А как ему об этом говорить? – закрипело старое кресло. – Не будь дурой, иди домой. Хоть выписься...

Это предложение не лишено было здравого смысла, но Ольгерда и здравый смысл не слишком-то сочетались. И в голову Себастьяна полетела хрустальная пепельница, а следом за ней – тарелка с недоеденным виноградом...

...Ольгерда покинула дом с первыми лучами солнца.

– Зачем вы так? – Себастьян спустился.

Спать больше не хотелось. Да и не напиться на мокрой кровати – Ольгерда вывернула на нее вазу с тюльпанами и на несчастных цветах еще попрыгала...

– Как? – панна Гжижмовска раскаяния явно не испытывала.

– Не знаю, – Себастьян вытащил из волос куриное перо.

Подушкам от Ольгерды тоже досталось.

– Как узнаешь, скажешь, – панна Гжижмовска указала на второй стул, рядом с махоньким кофейным столиком.

Серебряный поднос. Кофейник пузатый, прикрытый войлочным чехлом. Кофейная крохотная чашка из старого сервиза. Сливки. Сахар.

– Я решила, что тебе не лишним будет, – она порой проявляла удивительную догадливость. – А девку эту бросай, дурноватая и жадная.

Что Ольгерда невеликого ума, Себастьян и сам знал.

Жадная?

Обычная.

Звезда местечкового театра. Играла она в целом неплохо. И голос имела хороший. И не только голос. Мила. Воспитана...

– Избалована, – панна Гжижмовска тоже кофий жаловала, но себе варила особый, крепкий, дегтярный, щедро сдабривая перцем и корицей. Вкус выходил специфический. – Главная курица в местечковом-то курятнике, думает, что без нее никуда...

Себастьян присел.

Кофе был горяч и крепок, но в меру. Сливки – свежи, как и пресные булки, которые панна Гжижмовска щедро посыпала кунжутом. Желтоватое масло пустило слезу. Сыр доходил на теплом блюде. И Себастьян понял, что голоден.

– Ты ешь, ешь, – она глядела на него со снисходительностью, которая, впрочем, несколько не задевала. – Она замуж за тебя решила выйти. Думает, ты побежишь мириться... побежишь?

И в этом была своя правда.

Роман с Ольгердой, вспыхнувший прошлым летом, длился и длился, и, пожалуй, был самым протяженным из всех, которые случались с Себастьяном. И не в любви тут дело.

Не было любви.

Сперва влюбленность, легкий дурман очарования, который вскоре развеялся. И не то, чтобы Себастьян вовсе разочаровался в ней, скорее уж осознал, что разрыв потребует сил, а поиск новой любовницы – времени, которого катастрофически не хватало. Да и что с новой?

Тот же дурман.

И разочарование, когда он проходит. И осознание, что эта женщина ничем не отличается от прочих. Снова обиды, снова истерики... нет, Ольгерда хотя бы была достаточно мудра, чтобы не навязываться. Встречи дважды в неделю.

Ужины в той же «Перепелке», ибо иных заведений приличного толка в городе не имелось. Пролетка.

Подарок, который Ольгерда принимала с мягкой улыбкой. Цветы, постель... завтрак и панна Гжижмовска, встречавшая гостью насмешливым молчанием. Поцелуй на прощание... и снова пролетка... иногда привычная рутина дней разрывалась выходами в свет, который был рад Себастьяну, но радость эта не была обоюдной.

Тоска.

– Жениться тебе надо, – панна Гжижмовска держала крохотную кофейную чашку двумя пальцами.

– На Ольгерде?

– Вотан упаси! – скрипнуло кресло. И медвежья шкура съехала на пол, а панна Гжижмовска поплотней запахнула байковый халат с атласною отстрочкой.

– А на ком?

– Тебе решать. Найди кого, а то прилип к этой пиявке, будто приворожила.

– На меня привороты не действуют, – Себастьян поймал себя на том, что уже несколько минут он сосредоточенно намазывает маслом булку.

– Это просто никто всерьез за тебя не брался. А эта может и взяться, этой ума хватит... и денег... с той стороны всякое идет, – панна Гжижмовска поджала губы, демонстрируя крайнюю степень неодобрения нынешней либеральной политикой. Тоже вздумали, с Хольмом замиряться...

Она молчала.

Баюкала трубку, причудливую, с люлькой узкой и длинной, с изогнутым чубуком, покрытым мелкими узорами. Трубку полагалось ставить на спину костяного дракона, который тоже был стар, куда старше и пани Гжижмовской, и дома ее, и, быть может, самого города. В глазах дракона некогда сияли драгоценные камни, но людская жадность ослепила, а неуклюжесть – лишила куцега крыла, оставив одно, бесполезное.

– До меня дошли нехорошие слухи, – панна Гжижмовска поморщилась. Все же как дочь военного, полицейское ведомство она не одобряла, но и о долге перед обществом помнила. – Твоя Ольгерда не просто так крутится. С тебя она почти ничего не берет.

– А что должна?

Разговор свернул не туда. Неприятная тема.

– Что должна... помнится, до тебя у нее в полюбовниках Чиченков ходил... он ей режиссера и прикупил, когда старая прима отказалась место уступать. А заодно коляску справил, гарнитуру бриллиантовую... шубу... про шубу не знаю, но с театром он ей помог. Тогда-то полковину трупы уволили. Набрали новых, поплотнее, чтоб игрой своей Ольгерде не заминали...

Себастьян молчал.

Ел булку.

С маслом. Масло, если верить местной газете, где печатались мудрые советы на все случаи жизни, зело от язвенной болезни помогает. А то в последнее время как-то оно... не так стало. Еще не болит, но вот ноет, подсасывает, упреждая, что до язвы уж недалече осталось.

– Она и от прочих знаки внимания принимать горазда. Не о цветах говорю... ей цветы корзинами слали, а ты букетики таскаешь. Браслетку поднес, это хорошо, но таких браслетов ей горы подносили... неужто ничего не требует?

– Намекает, – признался Себастьян, пальцы облизывая.

– А ты намеков не понимаешь. Хорошая позиция, тактически грамотная... стратегически... если она тебе не нужна, тоже сойдет...

Себастьян кивнул.

Не нужна.

Наверное.

– А вот ты ей, если до сих пор на кого пощедрей не сменяла, нужен. И вот раньше-то я думала, что Олечка наша в княжны метит... и ладно бы, ты, небось, не такой дурак, чтобы жениться.

Себастьян вновь кивнул: жениться он не планирует.

В принципе.

– Вот... то теперь... если она не сама к тебе интерес проявляет, значит, попросили, а если попросили, то не зря... – панна Гжижмовска постучала пальцем по люльке. Ногти ее от табака пожелтели, стали плотны, но данное обстоятельство почтенную вдову несколько не печалило. – Потому будь осторожен, Себастьянушка... будь очень осторожен.

Будет.

Куда он денется.

...а с утраца дождь зарядил, и главное такой мелкий, мерзостный, не оставляющий ни малейшей надежды на солнце. Пролетка дребезжала. Возница, закрутившийся в провощенный плащ, матюкался, но как-то скучно, без огонька. Город был сер и уныл. По мостовым расплывались лужи, каменные стены дышали сыростью и даже зелень местечковых каштанов, которые только-только тронула осенняя ржа, казалась какою-то тусклою.

Надобно бы мотор перегнать. Братец предлагал, и Себастьян был бы не против, все сподручней, чем извозчиков мучить, да вот куда его ставить? В доме панны Гуржаковой конюшни нету, а съезжать из-за такой малости... нет, пожалуй, к подобным переменам в жизни Себастьян готов не был.

Хватит ему уже перемен.

Извозчик, словно издеваясь, остановился аккурат посередине огромное лужи, которая хоть и была неглубока, но всяко для лаковых штиблет бесполезна.

– Ты бы отогнал подальше, – Себастьян раскрыл зонт, в который тут же вцепился ветер. А ведь тихо было, вон, клены-стражи в лаково-алом убранстве стояли бездвижно, ни листочка на них не шелохнулось. И поди ж ты, ветер.

Толкнул.

Потянул, выкрутил из руки тяжелый зонт. Опрокинул в лужу и погнал, будто парусник предивный.

– Твою ж... за ногу, – Себастьян прикусил язык.

Это актерам матюкаться дозволено, с них спрос невелик, а про воеводу сразу скажут, что вовсе страх потерял и на язык невоздержан. Появилась трусливая мыслишка подать-таки в отставку.

А что... не его это... воеводство... кабинет... креслице с гвоздиками этими золотыми, портрет государев чистый, мухам на радость... и ленты для них же вешанные, медовые...

Бумаги.

Отчеты.

Доклады... тошно... до того тошно, что хоть удавись. Но куда идти, если не в воеводы? Не в светское же ж общество возвращаться. Сожрут-с и не подавятся. Нет... уходить – не вариант... это все хандра осенняя и петухи, чтоб их всех да на бульоны...

Себастьян подхватил зонт, отряхнул его от воды и грязи.

С натугой открыл скрипучую дверь, в который раз давши себе зарок оную сменить. Купцы давече намекали на некое вспомоществление, а Себастьян намек не слышал. Может, зазя? Может, неспроста Евстафий Елисеевич время от времени хаживал на обеды? После тех-то обедов, глядишь, и появлялись в Познаньском управлении всякие-разные штуки, навроде дубовых перил к старой лестнице...

Дверь захлопнулась с тяжелым глухим стуком.

И в спину ударила.

Пружина зазвенела. А тяжеленные часы, механизм которых давно уж сбой дал, встретили воеводу протяжным заунывным боем.

– Опаздывать изволите, – с дубовой лавки поднялся пан Мимиров.

Вот же ж... а Себастьян уж понадеялся, что слег главный местный кляузник. Ан нет, правду говорят, что иных и болезнь не берет.

– Вовремя, – раскланиваясь с паном Мимировым желания не было. И тот, уловивши настрой Себастьянов – а чутьем пан Мимиров обладал преотменнейшим – встрепенулся...

– Где ж вовремя? Где вовремя? – он говорил тонким детским голосочком, который никак не вязался с объемною его фигурой. И фигура она пришла в движение. Мелко затряслись три подбородка, подпертых белоснежным воротничком. Дернулся кончик длинного носа. Пухлые пальчики ущипнули ухо, которое от такого обращения запунцовело. – Уже девять! А вы еще тут!

– Я уже тут, – Себастьян испытал преогромное желание треснуть пана Миминова зонтом.

Останавливало лишь то, что зонтом до смерти не прибьешь, а надо бы, чтоб без шансу... оглянувшись на дежурного, взгляд которого привычно остекленел – значит, ждал пан Мимиров долго – Себастьян подавил и желание, и вздох.

– Здесь! Но не там, – пан Мимиров указал пальцем на потолок.

А вот его бы побелить не мешало. И вообще в порядок привести, ибо поползли по потолку серые пятна сырости, штукатурка набрякла. В прошлом-то годе кусок ее на самую макушку пана Миминова плюхнулся... ох и крику-то было.

Сначала крику.

После кляуз.

Объяснений... экспертиз, которые подтверждали, что Себастьян не злоумышлял убийства путем обрушения штукатурки на жизненно важный орган человека. Судебное заседание, вновь же. И преисполненный тихого смирения взгляд судии, который, вынеся решение вполне законное и разумное, вызвал на свою персону новый поток кляуз.

– На небеса мне еще рано, – пробормотал Себастьян.

– Все шутить изволите? – с того заседания пан Мимиров не то, чтобы подобрел, скорее осознал, что в кои-то веки воевода местечковый суду не боится, а потому решил измором брать, не иначе. – Вам еще до кабинета дойти надобно. Переоблечься...

Он загибал пальчики, семена за Себастьяном, перечисляя все те мелкие дела, на которые Себастьян потратит свое, честными налогоплательщиками оплаченное, время...

Раздражение росло.

А лицезрение добропорядочной горожанки панны Гуржаковой с дочерью, коию она панна придерживала за локоток, не поспособствовало возвращению спокойствия.

– Себастьянушка, доброго утречка, – пропела панна Гуржакова на редкость сладким голосочком. Дочка ее, потупивши очи, пробормотала не то приветствие, не то проклятие.

Сегодня она выглядела особенно заморенной.

– Доброго... ко мне?

– И чего это к вам в служебное, заметьте, время девицы всякие являются? – брюзгливо поинтересовался Мимиров, окидывая панну Гуржакову настороженным взглядом. Впрочем, та, если кого и боялась, то точно не Миминова.

– А что, нельзя? – поинтересовалась она, и в медвяном ее голосочке проскользнули опасные скрипучие ноты.

Отчет... отчет, еще недавно представлявшийся занятием найскучнейшим, вдруг обрел некую тайную привлекательность. А что, тихие бумаги, сиди, перекладывай, пересчитывай

количество краж, разделяючи на карманные и квартирные... ограбления же... убийства, которые случались-таки, но большею частью по пьяному куражу...

– Вы по делу? – устало поинтересовался Себастьян.

– Конечно, – панна Гуржакова замахнулась на Мимирова ридикиюлем. – А вы обождите...

– Я уже ждал!

Тот, не привычный к подобному обхождению, засопел. А оттопыренные округлые ушки покраснелись.

– Ничего страшного, подождете еще, – отрезала панна Гуржакова. – И вообще, в приличном обществе дам принято пропускать вперед...

И ткнула зонтом в обширное брюшко Мимирова. Зонт был дамским, кружевным, но в руках генеральши гляделся оружием грозным. А может, сам ее вид, решительный весьма и явное, читавшееся в каждой резкой черте лица желание поскандальить, впечатлили Мимирова, заставив отступить.

Себастьян меж тем отворил дверь.

Распахнул.

Поморщился: на столе стояла белая коробка, перевязанная шелковой лентой. Коробка была высока, узорчата, а пышный алый бант не оставлял ни малейшего шанса, что она коробка не привлечет внимания Мимирова. И тот, разом забывши про панну Гуржакову, проскользнул в кабинет.

От, лихо... поперед Себастьяна, от этакой наглости слегка онемевшего.

– Значит, подношения принимаете? – поинтересовался Мимиров, ткнув в коробку мизинчиком.

– Нет, – Себастьян дал мысленное обещание отыскать доброхота, который этакий подарочек ему оставил и лично объяснить, отчего новое начальство сюрприз не оценило.

– Как же... как же... – Мимиров дернул носом. – Сперва пирожные... потом коньячки... а там уж и конвертики... будьте уверены, я молчать не стану.

Вот в этом Себастьян совершенно не сомневался.

Сегодня же напишет клязу в Познаньск. И про коробку злосчастную. И про коньячки придуманные. И про конвертики... хоть и вправду бери, чтоб не так обидно было.

– Вотан милосердный, – панна Гуржакова ткнула кляузника острым локоточком в бок, – да что вы за глупости тут вещаете! За между прочим, наш воевода честнейший человек.

– Не человек, – на сей счет у пана Мимирова имелось собственное мнение.

– Человек!

А вот панна Гуржакова оказалась не способна к восприятию каких-то там мнений, которые имеют наглость отличаться от ее собственного.

Дочка ее, просочившаяся в кабинет, воззарилась на Себастьяна. Смотрела она печально, обреченно даже, и он не выдержавши, взгляд отвел.

– Деточка, – панна Гуржакова опомнилась и, подхвативши дочь под локоток, подтянула ее к Себастьяну, подтолкнула и с такою силой, что девица едва не упала. Верней, упала бы, не подхвати ее Себастьян. – У тебя же дело к воеводе...

У бедняжки дернулся левый глаз.

А у Себастьяна правый.

– Какое дело? – мигом поинтересовался пан Мимиров, тронувши бант пальчиком.

– Личное! – ответила генеральша, гневно блеснув очами.

– Личные дела надобно решать во внеслужебное время...

– Вотана ради! Не будьте вы таким занудой... и вообще, дело личное, но и служебное... – панна Гуржакова не намерена была отступать и, подхвативши кляузника под локоток, потащила его к двери. Тот сопротивлялся, пыхтел, но при всей объемности телес своих он оказался куда как слабей панны Гуржаковой, которая была полна решимости.

Увы, у Провидения были собственные планы.

– Доброго утра, – пропели от двери.

И Себастьян обреченно закрыл глаза.

Уволится.

Все одно контракт истек, а новый он подписал обычным, без крови... и если так, то приказать ему не смогут...

– А мы вот ехали мимо... – панна Беялинска вплыла в кабинет, в котором и без того стало тесно.

– А у вас тут светская жизнь кипит-прямо, – предовольным тоном произнес пан Мимиров, высвобождаясь из цепких рук генеральши.

– И ехали бы... – недовольно произнесла последняя, окидывая извечную соперницу свою ревнивым взглядом. А следовало признать, что панна Беялинска, несмотря на годы свои, была чудо до чего хороша. Что уж о дочерях говорить.

Младшая была смугла и темноволоса, не по-женски высока, что, впрочем, нисколько ее не портило. Она держалась свободно, да ко всему сама над собою подшучивала, что, дескать, с таким ростом и без того невеликий выбор женихов вовсе перестает быть выбором. Старшая же, напротив, была невысока, светловолоса и несколько полновата той сдобной полнотой, которая делает женщин уютными.

– Нам подумалось, что вы, должно быть, голодны... – в руках старшая держала коробку, перевязанную, к счастью, не лентой, но обычной бечевкой. – А наша кухарка ныне сготовила просто потрясающие кренделя.

– Кренделя... – с выражением произнес пан Мимиров.

– Кренделя, – повторила панна Гуржакова, устремив на соперницу взгляд, не обещающий ничего хорошего. Впрочем, взглядом панну Беялинску было не испугать. Она ответила мягкой улыбкой.

– Нам стоит позаботиться о том, кто заботится обо всем городе... или вы не согласны?

Пан Мимиров согласен не был.

Он выглядел невероятно довольным, верно, получивши больше, чем желал. А Себастьян представил поток кляуз, который ныне же потечет в Познаньск. К мздоимству, и думать нечего, добавится распутное поведение, безответственность, использование служебного положения в личных целях, соблазнение юных дев... в массовых количествах.

– Возьмите кренделек, – старшенькая из дев Беялинских, не соблазненная пока – Себастьян надеялся, что и в принципе – сняла крышку с коробки, и по кабинету поплыл сладкий сдобный дух.

– С вареньем, – поддержала сестрицу младшая.

Как их зовут-то?

Ведь представляли... на каком-то из вечеров, которые вдруг стали обязательны к посещению, ибо невместно воеводе чураться общества... точно представляли, но Себастьян не запомнил.

Невинные девы его интересовали мало.

А теперь и пугали.

Уж больно хищным был взгляд у блондиночки. А кренделек сам собой, не иначе, оказался в Себастьяновой руке. Этак, он и опомнится не успеет, как оный кренделек в рот сунут и пережевать заставят, если сами не пережуют.

– Простите, но я позавтракал...

– Так разве это завтрак? – Беялинские, похоже, были настроены серьезно. Что они в эти крендельки понапихали? Приворотного? Или сразу яду? Хотя... он вроде бы как ничего такого сделать не успел, за что его травить... – Это так... баловство...

– Воеводе не до баловства, – неожиданно на помощь пришла младшенькая Гуржакова, ввинтившаяся между сестрицами Беялинскими. – Воевода занят!

– Чем же? – черная бровь приподнялась.

– Делом.

– Вот-вот! – донесся голос пана Мимирова, – делом заниматься надо, а не кренделя поедать на рабочем-то месте...

– Нам надо поговорить, – панночка Гуржакова повисла на Себастьяновой руке, прижалась грудью к плечу и дыхла в самое ухо ароматом яблок и...

...все-таки приворотное.

Облилась-то с макушки до пят, не пожалела... странно, что Себастьян раньше не почувал.

Шея зачесалась.

И он попытался высвободиться из объятий панночки, которая, невзирая на кажущуюся слабость, все ж держала потенциальную жертву крепко. И похоже, настроена была серьезно, чем и заслужила одобрительный взгляд матушки.

– Поговорим, – пообещал Себастьян и, не удержавшись, поскреб шею.

...может, и вправду жениться? Не на такой от дурочки, конечно, которая приворотами балуется, а хоть бы на Беялинской... старшенькая, пусть и не молода, но вполне себе симпатична... Евдокию чем-то напоминает.

Цветом волос.

И только.

Себастьян отогнал непрошенную мысль. Интересно, чем эти пользовались, если мысль о женитьбе показалась вдруг донельзя заманчивой? А Беялинска взялась за другую руку, голову на плечико пристроила и мягко так произнесла:

– А знаете, нам ведь с вами тоже поговорить есть о чем...

Шея зачесалась сильнее.

И воротничок накрахмаленный показался вдруг донельзя тугим. Себастьян с немалым трудом стряхнул обеих красавиц. Вот же... а с виду приличные панночки...

– И о чем же, – голос стал сиплым. А чесалась уже и спина.

Знакомо.

– Это такое дело... – пропела Беялинска. И от голоса ее голова закружилась.

Красивый голос.

Нежный.

И сама она... пусть помолвлена, но помолвка – еще не свадьба. Себастьяну не откажут, если попросит руки... а он попросит?

Отчего бы и нет?

Сколько можно жить одному, и вправду так недолго одичать. И разве не приятней ему будет возвращаться в свой уютный дом, чем в прокуренную гостиную панны Гжижмовской? Любовь? Что с той любви... трезвый расчет и только... панночка Беялинска умна. Воспитана. Сдержанна.

Она станет хорошей женой.

Детей вот родит.

На детях мысль споткнулась и погибла. Нет, дети его не то, чтобы пугали, скорее при виде их, особенно младенцев, Себастьян начинал испытывать пренепреятнейшее чувство беспомощности.

– Все отошли, – рывкнул он и, не удержавшись, поскреб-таки шею.

Чешуей пошла.

Слева.

А с права рог проклюнулся, не на шее, само собой, но легче от того не было.

– Вам действительно стоит выйти, – мурлыкнула панна Белялинска, подталкивая к выходу и свою заклятую подругу, которая выходить не желала, и пана Мимирова.

– А почему это нам? – панна Гуржакова уперла руки в бока. – Мы, между прочим, первыми приехали, правда, дорогая?

Дорогая испустила томный вздох, от которого яблочно-хмельной аромат приворотного окреп.

– Вообще-то... – начал было па Мимиров, но обе дамы повернулись к нему и хором произнесли:

– А вы помолчите!

– Вас вообще здесь не стояло, – добавила панна Гуржакова непререкаемым тоном. – А потому поймите совесть вести себя прилично!

От этакой наглости пан Мимиров онемел.

И растерялся.

И растерявшись, почти позволил вытолкать себя из кабинета, но в последний миг опомнился и растопырил руки, будто желая дверь обнять.

– Что вы себе позволяете?! – взвизгнул он, отбиваясь от дам, единых в своем желании избавиться от лишнего свидетеля. – Что они позволяют?!

Обратился пан Мимиров уже к Себастьяну.

И тут же подобрался.

– А вы... вы что себе позволяете? С рогами на рабочее место являться?! Пугать бедных горожан чешуею... я буду жаловаться!

– Не сомневаюсь, – прохрипел Себастьян, осознавая, что ему-таки повезло. Яблочный дурман младшенькой Гуржаковой, которая изо всех сил старалась оным дурманом пользоваться и теперь отчаянно хлопала ресницами и губки надувала, но оттого не становилась симпатичней, мешал зелью Белялинской, из чего бы оное зелье не было изготовлено. Главное, что почесуха не позволяла сосредоточиться на мыслях о женитьбе...

...кольцо прикупить надобно.

...или без кольца... сразу в храм... не откажут...

Себастьян шагнул к окну. Он почти выдрал разбухший от влаги переплет, и не удивился, что стекла посыпались.

– Вам дурно? – с притворною заботой осведомилась панночка Белялинска.

Себастьян лег на подоконник и высунулся, сколько сумел. Подоконник был влажным и облюбованным голубями, а значит, костью придет в негодность... плевать.

Дождь.

Шумит в водосточной трубе... рядом с кабинетом лежит, а Себастьян все гадал, что это за стеной этою шубуршится. Вода... вода – это хорошо. Холодненькая.

С неба.

Стекает по волосам, по коже, смывая приворотную отраву.

– Пан Мимиров, – он растер воду по лицу, и проклятый зуд унялся, а вот мысли о женитьбе не исчезли. Приглушенными стали, это да, но вот... – Пан Мимиров, окажите любезность, пригласите дежурного... и пусть пару актеров вызовет, кто есть на месте... будем оформлять протокол.

– Какой протокол?

Панна Гуржакова зонтом перекрыла выход из кабинета.

– Обыкновенный, – Себастьян отряхнулся. – О применении запрещенных веществ к лицу, пребывающему на государственной службе с целью...

Ему пришлось вновь высунуть голову в окно и, открыв рот, дышать, потому что зуд сменился приступом тошноты. Она накатывала волнами, сменяясь резью в желудке...

...похоже, язва есть естественная болезнь воевод.

– Это он о чем?

А вот актерствовать панна Гуржакова не умела.

– О том, дорогая, что ваше приворотное, похоже, порченным оказалось, – лицемерно ответила панна Белялинска. – Сочувствую...

– И ваше тоже, – добавил Себастьян, справившись с дурнотой. – А еще, похоже, использовали вы весьма любопытные ингредиенты...

Он с трудом разогнулся.

– Мне вот любопытно, откуда такое единство?

Дамы молчали.

Панночка Гуржакова потупилась и тоненько всхлипнула, а вот Белялинские держались спокойно, будто не их сейчас обвиняли.

– Не понимаю, о чем вы, – произнесла старшая... да, голос у нее... такой голос очарует.

– Еще одно слово, – Себастьян сунул в ухо палец, – от вас, дорогая, и вместо храма вы отправитесь в камеру. И будете там находиться, пока зелье не выдохнется...

Пан Мимиров молчал.

Ошеломленный?

Пораженный?

– А все ты, – первой не выдержала генеральша. – Вечно влезешь со своими... назло мне!

– Поверь, дорогая, здесь ты совершенно не при чем... девочки, воевода не в духе... полагаю, нам стоит заглянуть в другой раз...

Обе панночки присели.

– Стоять! – отпускать их Себастьян намерен не был.

– Помилуйте, вы действительно полагаете, будто мои дочери... это недоказуемо...

– Кренделя...

– Оставьте их себе, – снисходительно произнесла панна Белялинска. – И если в них и вправду найдется хоть что-то, я уволю кухарку. Она давно на моего мужа заглядывалась... может, и вправду приворожить решила? Кто знает... а может, вам примерещилось...

Пан Мимиров только крикнул и от двери отступил, то ли опасаясь связываться с Белялинской, которая ныне вовсе не казалась слабой и болезной, как о том говорили.

...а зелье, выходит, не в кренделях.

...задержать?

Надо бы... только слухи пойдут... и плевать бы на слухи... кляузы... но если Себастьян ничего не найдет... а он крепко подозревал, что ничего не найдет...

– Вообще, – отмерла панна Гуржакова, – по какому праву вы обвиняете наших девочек?! Встречаетесь с этой особой...

– О да, – панна Белялинска благодарно улыбнулась подруге за подсказку. – Я слышала, она совершенно потеряла страх... и та история... вы не знаете, она как-то связалась с одним мальчиком из хорошей семьи... едва замуж не выскочила... а оказалось – приворот...

Ну да, что уж проще, на Ольгерду спихнуть.

– Поймите, – в темных очах Белялинской примерещилась насмешка. – Вы, конечно, в своем праве, но... если вы испортите репутацию моим дочерям... нашим дочерям... мы сделаем все возможное, чтобы...

Она выразительно замолчала.

А пан Мимиров неожиданно произнес:

– У вас доказательств нету!

Нету.

И не будет.

Ведьмака бы нормального, так нет же ж... тьфу ты... да и дело такое... смех и только... не хватало, чтобы его, Себастьяново, имя в суде из-за такой ерунды полоскали.

...и так полощут.

– И вообще, – пан Мимиров ткнул пальцем в коробку. – Может, вас этот приворожил...

– Кто? – заинтересовались обе панны, а панночки удостоили несчастную коробку ревнивых взглядов.

Себастьян вновь высунул голову в окно, радуясь, что дождь усилился. Текучая вода снимала и зуд, и от мыслей дурных избавляла.

...суд не выход, хотя... наказать примерно... но за воздействие это каторга... а посылать девиц, пусть и не шибкого ума, на катаргу за-ради материных амбиций...

– Этот... аноним, – пан Мимиров сделал махонький шажочек к коробке, потом еще один... и еще... он пощупал шелковый пышный бант, понюхал зачем-то пальцы и печально произнес. – Краскою воняет... вот же ж...

– А и вправду, краской, – совсем иным, мирным тоном произнесла панна Гуржакова, потянувши длинным носом.

– Полный беспредел, – пан Мимиров сунул тросточку в подмышку и обеими руками потянулся к коробке. – От кондитерских коробок должно сдобой пахнуть. Или ванилью. Или шоколадом...

– Стойте, – Себастьян попытался остановить... не то, чтобы подозревал дурное, скорее по старой привычке своей, коия утверждала, что сюрприз – это не всегда приятно.

Однако услышан не был.

– ...а тут краской... и заметьте, я трижды жалобы писал. Яйца берут дурного качества... молоко отстоявшееся. И сливочки, небось, снимают... а продают втридорога...

Шелковый бант соскользнул, словно только и ждал, чтобы его потревожили.

– Не трогайте!

– А вам есть чего скрывать? – голос пана Мимирова был преисполнен подозрений. – Конечно... я всем говорил, что не может живой человек взятку не брать!

И с коротким победным смешком он поднял крышку.

Дальше произошло несколько событий.

Старшая панночка Беялинска завизжала, ее младшая сестрица лишилась чувств, впрочем, как-то так, что упала не на пол, который особою чистотой не отличался, но на кушеточку, томно забросив ручку на белое чело. Панночка Гуржакова застыла с приоткрытым от удивления ртом, а матушка ее, брезгливо поморщившись, произнесла:

– Странные у вас вкусы, пан Себастьян.

В коробке, на промасленной бумаге, на фарфоровом блюде, лежала голова.

Человеческая.

Мужская.

Себастьян закрыл глаза и ущипнул себя, очень надеясь проснуться. А что... мало ли какие сны снятся. Может, он вообще не воевода, а тихий и скромный старший актер, всецело довольный своею должностью и судьбой... и нет ни Гольчина, ни местное управы, ни панн с панночками, его крови и жития жаждущих, ни пана Мимирова... ни головы.

Но нет, провидение не смилостивилось.

Голова не исчезла.

Она лежала, такая... какая-то такая... ненастоящая? Белая? Нет, покойники, само собой, редко бывают румяны, но все ж эта...

Краска.

Себастьян вытер лицо ладонями.

Конечно... голову покрасили... может, она вовсе не настоящая, папье-маше или воск там. Дурной розыгрыш... но чутье подсказывала, что надеяться на этакое счастье нельзя.

Себастьян подошел поближе.

А ведь знакомый.

Как его...

Себастьян мотнул головой, в которую упрямо лезли мысли о скорой женитьбе... голова? Подумаешь, голова... голова свадьбе не помеха. Никуда она, в отличие от невесты, не денется. Ее, если уж Себастьян так беспокоится, вовсе в храм взять можно.

Свидетелем.

Он сунул палец в ухо, пытаясь приглушить мерзкий шепоток.

– Что вы делаете? – взвизгнул пан Мимиров, на голову взиравший с суеверным ужасом. – Почему вы ничего не делаете! Сделайте что-нибудь!

– Сделаю, – вполне миролюбиво пообещал Себастьян.

...и этого свидетелем...

...и всех, кто в управлении есть... радость-то какая... столько лет одиночества.

– Еще как сделаю, – Себастьян изо всех сил попытался сосредоточиться на голове.

Местечковый живописец.

Тот, который государев портрет сотворил. Он еще время от времени заводил беседы престранные о живописи. В живописи Себастьян ничего не понимал, потому беседы и не завязывались. Что еще о нем Себастьян знает?

Ничего.

Случайный человек... но почему голову отрезали? И не просто... выкрасили вот старательно... лицо белым, глаза закрытые черною краской подвели...

Губы красные.

Алые даже.

И потому смотрится голова празднично, ярко.

– Ужас какой, – отмерла панночка Гуржакова, и глаза закатила, но убедившись, что единственная кушеточка занята, лишаться чувств передумала. Панночка Беялинска меж тем соизволила глаз приоткрыть, а сестрица ее верещать перестала. И в кабинете повисла зловещая тишина.

Себастьян снял треснувший телефонный рожок.

– Некроманта ко мне... и ведьмака тоже.

Глава 3. О прошлом, которое не отпускает

– Дорогой, почему у тебя спина расцарапана?
– Ах, дорогая, я так устал... меня орел нес!
...пример из книги пана Пишнятовского «Мужчины не врут или
1001 правдивый ответ на все случаи жизни», имевшей небывалую
популярность среди читателей.

Катарина присутствовала на казни.

Не то, чтобы в этом и вправду была нужда, скорее уж она сама желала убедиться, что это существо, не имевшее права именоваться человеком, умрет. Нет, она не испытывала ненависти, и мести не жаждала, скорее уж полагала казнь средством остановить того, кто, оказавшись на свободе, несомненно, продолжит убивать.

И поэтому она пошла.

Отговаривали.

Коллеги.

А Хелег лишь брезгливо поджал губы, бросив:

– Если ты полагаешь, что тебе это нужно...

Его неодобрение ощущалось явно, было соленое, как трехгрошовое печенье, которое Катарина покупала в булочной на углу – только там умели делать такое, сухое, прожаренное, с крупинками соли, вплавленными в темную хрустящую корочку.

Хелег не одобрял и печенье.

И работу ее, такую неподходящую для женщины. Впрочем, он был слишком хорошо воспитан, чтобы выказать это неодобрение. А ощущения... что ж, пускай себе.

Итак, Катарина присутствовала на казни.

Она не спала всю ночь. И встала с покрасневшими глазами. Умылась холодной водой – горячую давали в четверть восьмого, и это неудобство, в общем-то обычное для Гельмгарда, тоже раздражало Хелега. Из-за воды и еще из-за соседей, которые частенько засиживались за полночь, отмечая очередной какой-то праздник, Хелег предпочитал ночевать у себя.

В то утро она особенно остро ощущала свое одиночество. И от этого одиночества, которое некогда казалось недостижимой роскошью, Катарине хотелось выть. Если бы Хелег...

...она может к нему поехать. И быть может, он обрадуется. Конечно, вида не подаст, но взгляд смягчится. И в голосе появится знакомая мягкая хрипотца.

...у нее отгул. А у Хелега выходной. И они могут провести целый день вместе. Такого не случалось, да никогда не случалось, то одно, то другое, вот и оставались на откуп куцые вечера, которые было жаль тратить на кинематографические сеансы, парки и прочую ерунду.

Они ведь взрослые.

Но в то утро Катарине хотелось стать ребенком. Она чистила зубы, отсчитывая про себя количество движений щеткой. Потом так же тщательно расчесывала волосы. Одевалась.

Серая блуза.

Длинная юбка с двумя рядами пуговиц.

Жакет.

На шею – синий платок.

Шляпка круглая. И... и она сама себе непривычна в этом облике. Чудится в нем некая фривольность, легкость непонятная, неуместная.

...она опасалась, что ее не пропустят. Но охранник, дважды изучив ее удостоверение, сверился со списком и раскрыл ворота. Потом были еще ворота и охранники. Два досмотра. Провожатый.

Комнатка тесная и душная, в которой резко и назойливо пахло камфорой. Люди. Они все повернулись к Катарине.

– Здравствуйте, – сказала она, и голос позорно дрогнул. Не так прозвучало это приветствие, не спокойно, уравновешенно как должно бы, но виновато.

...не ответили.

Да, здесь не самое подходящее место для бесед.

Жесткие стулья в два ряда. Катарина выбрала себе крайний, у самой двери. Сердце отчаянно колотилось, заглушая шорох огромных часов. Секундная стрелка медленно ползла по циферблату...

...в полдень.

...за десять минут до полудня все, кому выпало быть свидетелем казни, расселись.

...за семь минуты вывели его... такого беспомощного в серой робе... такого...

– Это точно он? – тихо спросила женщина в черном чесучевом платье. – Он же совсем мальчик...

Он плакал, не стесняясь слез. И когда зачитали приговор, вцепился в руку охранника, закричал:

– Это не я! Это ошибка... я не виноват...

...шепоток.

...осторожные взгляды, и Катарине хочется сбежать... ошибка? Никакой ошибки.

...а на ложемент алтаря он сам лег. И улыбнулся сквозь слезы. И в улыбке этой почудилась издевка.

...штатный палач закрепил кожаные ремни. Аккуратно расстегнул пуговицы на робе. Протер грудь спиртовым раствором.

...никакой ошибки... ошибка невозможна... а он повернулся. Он точно знал, что Катарина здесь. Он чуял ее присутствие, как она чувствовала терпкую его ненависть. И улыбка сделалась шире.

Губы его дрогнули.

– Ты еще пожалеешь, сука, – сказал он за мгновение до того, как ритуальный клинок вскрыл его грудь. И слова эти, произнесенные шепотом, долго еще звучали в ушах.

...ты еще...

...сердце, извлеченное опытной рукой, судорожно сжимается.

...алая кровь на белом кафеле похожа на варенье. Вишневое. Которое тетка варила на продажу...

...пожалеешь...

Нет.

Не пожалеет.

Она, наконец, сможет дышать спокойно. И кошмары отступят, те, в которых девочки-бабочки кружат над Катариной, спрашивая, почему она медлит. И страхи уйдут. Конечно... она ведь так боялась, что в последний миг он увернется.

Мало ли...

Ей позволили пройти в ритуальную комнату вместе с доктором, который и засвидетельствовал смерть. А на выходе Катарину поймала та самая женщина.

– Скажите, – она покраснела, сама стесняясь своей недоверчивости, – вы уверены, что это действительно он?

И Катарина ответила:

– Да.

...а спустя три дня ей прислали бабочку.

Письмо принес почтальон, тот самый, который приносил Катарине газеты, что обязательный «Вестник Хольма», что выписываемый ею «Женский взгляд», несколько легкомысленный и совершенно бесполезный, но раз уж премировали, не отказываться же...

Серый конверт.

Подписан от руки. Почерк округлый, по-ученически правильный. Каждая буква выведена старательно. И сердце забилося, засбоило, потому что...

– Невозможно, – сказала Катарина, и почтальон недовольно нахмурился.

– Адресок ваш, фра...

Адрес и вправду ее.

Фамилия.

Имя.

Но... все одно невозможно. И она взяла конверт. Его бы сжечь в той пепельнице, которую принес Хелег. Он не любил курить на балконе, хотя запах сигаретного дыма и раздражал Катарину. Но она смирилась. Дым – это же такая малость...

...у нее есть свои привычки, которые Хелег терпит.

...они уважают друг друга.

И ищут компромиссы. И никогда не будут ссориться, кричать друг на друга, как делают то соседи из седьмой квартиры...

...они подали заявление в Особый отдел, и когда командование Хелега одобрит кандидатуру Катарину, поженятся. И тогда, быть может, Хелегу дадут двухкомнатную квартиру, как семейному, и хорошо бы в доме служебном...

Серый конверт.

Жесткий.

Грошовый. Он всегда выбирал такие, плотные, будто опасаясь, что в стандартных ценное содержимое повредится. И заклеивал их канцелярским клеем, аккуратно, так, что ни капли этого клея не попадало за пределы полосы.

...все равно невозможно.

...злая шутка.

...конечно... этот ублюдок знал, что его казнят... и оставил распоряжение... кому? Кому-то... какой-то влюбленной дурочке, которая не понимала, насколько ей повезло... которая думала, что жизнь несправедлива, что ее лишили любви и счастья... ничего... это пустяки... Катарина переживет.

Она так вцепилась в эту шаткую версию, что позволила себе выдохнуть.

И взялась за нож для бумаг.

Красивая штучка. Роскошная даже. С тонким плоским лезвием, с рукоятью позолоченной, на которой горел черный камень-анализатор.

Подарок Хелега ко дню Освобождения.

И ей было даже совестно, что ей никто не пишет, а потому и нет повода воспользоваться подарком. Вот ведь... допечалилась на свою голову.

Катарина провела камнем по серой бумаге, отметила примявшийся уголок и влажноватый отпечаток пальца. Камень остался черен, а Катарина, понюхав отпечаток – уж больно четкий он был – уверилась, что оставлен он скорее всего почтальоном, который имел привычку обедать на лавочке в сквере и из всех доступных яств предпочитал именно сардины в масле.

Нет, тот, кто слал такие конверты прежде, был слишком осторожен, чтобы оставлять отпечатки.

Клинок вспорол бумагу с мерзковатым звуком.

Белый лист-рамка.

И серая крупная, но несмотря на размер удивительно невзрачная бабочка в ней.

Приклеена, как и те... настоящие коллекционеры бабочек не приклеивают – слишком ненадежно, да и клей портит хрупкие крылья. Что-то там с чешуей происходит...

...толстое тельце, которое кажется несоразмерным.

Совка?

За это дело Катарина научилась изрядно разбираться в бабочках. Определенно, нынешняя была не из дневных, тем свойственен яркий окрас.

...она держала за края листа, и тот изгибался, грозя порвать хрупкие крыльца.

От бабочки пованивало.

...настоящие коллекционеры совок и бражников потрошат. Врезают тельца, вытаскивают содержимое...

Ее замутило, но Катарина справилась с тошнотой.

...конечно, подсказка наличествовала.

Laothoe populi.

Два слова, выведенных тем же аккуратным, детским почерком.

Бражник тополевый, подсказал Малый определитель.

Что из этого?

Ничего.

Катарина почувствовала, что голова наливается знакомой горячей болью.

– Что случилось? – у нее забрали и лист, и конверт.

Хелег.

Он сегодня пришел раньше. И обещал ресторан. Он заказал столик в «Белой акации», и они оба знали, что это означает. Проверка завершена и ее кандидатуру одобрили. И значит, будет мороженое, его в «Акации» готовят по особому рецепту, а потому нигде больше не купить такого. Катарина иногда позволяла себе. Двадцать пять грошей на мороженое, конечно, роскошь, но в день зарплаты...

...и шампанское.

...когда делают предложение и получают согласие, принято ставить шампанское.

– Вот, – только и сумела произнести она. – Пришло. Сейчас...

Хелег нахмурился.

А ей вдруг показалось, что он сам похож на бражника в этом своем сером костюме. Нет, сидел костюм очень даже неплохо, шился на заказ – все-таки положение обязывало, а в магазинах давно не найти приличной одежды – но...

Бледная кожа.

Серые волосы, стриженные коротко. Стрижка ему не идет, из-за нее голова кажется вытянутой, но в Особом отделе все носят такие... массивный нос. Брови светлые, словно мукой по лицу мазнули. А глаза вот теряются... она даже не помнит, какого цвета эти глаза.

Серые?

Или лишь кажутся серыми?

Зеленые? Голубые?

Катарина попыталась заглянуть, почему-то ей показалось невероятно важным, понять, какого же цвета у Хелега глаза. Но он отстранился.

Хмур.

Сердит?

На нее?

За что? Она-то в чем виновата? Уж точно не она сама себе прислала это письмо.

– Об этом следует доложить, – произнес Хелег, убирая лист с бражником в конверт.

Да.

Конечно.

Доложить придется. И лучше не думать о том, что последует за этим докладом.

– Жаль, – Хелег поднял ее подбородок двумя пальцами. – Это многое изменит...
...и столик в «Белой акации» останется свободен.

А Катарина ответила коротким кивком: она понимает. И Хелег улыбнулся, кажется, выдохнул с немалым облегчением.

– Не волнуйся, – он провел пальцем по сухим губам ее. – Я сумею тебя защитить. В любом случае.

И ушел.

А глаза у него все-таки серые. Светлые, почти белые, как первый снег, сквозь который виден черный асфальт крыш. Странное сравнение. И...

...сука.

А он ведь знал про письмо! Тот, кого прозвали Ловцом бабочек...

Ночь прошла.

Как прошла, Катарина почти не спала. А когда все-таки задремала, ей приснился тот ублюдок, совершенно живой и веселый.

– Что, решила, будто избавилась от меня? – спросил он и погладил Катарину по щеке. От этого прикосновения ее передернуло. – Нет, девочка моя...

Он наклонился к самому лицу, и Катарина осознала, что не способна двигаться. Она лежала на прозекторском столе, голая и совершенно беспомощная.

– Ты теперь моя... поиграем?

Он дыхнул, выпуская изо рта рой разноцветных бабочек, которые облепили Катарину...

Как она не закричала? Из упрямства, наверное. Она проснулась в холодном поту. И сидела в постели, мелко дрожа. Она ощутила себя не следователем, но маленькой девочкой, впервые очутившейся в страшном и чужом месте.

Под кроватью вновь завелись тени, а в старом шкафу наверняка поселилось чудовище.

Катарина рассмеялась и смех ее был безумен. Ничего. С этим чудовищем она как-нибудь справится... постарается...

Утро.

Снова. Умыться. Расчесаться. Собрать волосы в короткий хвост. Уже отросли и надо бы постричь... или оставить? Хелег говорил, что ему нравятся длинные.... Хелег... появится ли он снова? Он обещал помочь... чем ей поможет?

Не думать.

Серый форменный костюм. Странно. Прежде он казался Катарине неудобным, а теперь вот... оделась и стало легче, будто серая чесуча способна была защитить. Тронула лычки. Заставила себя дышать... медленно. Вдох через нос и выдох через рот.

За ней нет вины.

Тот ублюдок был виновен... виновен.

Она повторяла это вновь и вновь, пока ехала. И конный троллейбус седьмого маршрута двигался как-то на редкость неторопливо. И людно было. Люди мрачные. Злые. И все, казалось, смотрели на Катарину...

Знали.

Это чувство вины. Обманчивое. Сотворенное ее разумом, ее сомнениями, для которых не место.

Дождь зарядил.

И в дожде здание Особого отдела выглядело особенно неустроенным. Серый куб и полуджина синеватых елей у парадного входа. Мрачная статуя Мыслителя на красном гранитном кубе.

Семь ступеней.

Скользкие.

И вновь же неудобство это видится созданным нарочно для того, чтобы Катарина и ей подобные, которым случилось оказаться здесь, помнили: оступиться просто.

Слететь в грязь.

Ее ждали.

– Третий этаж, – дежурный с трудом подавил зевок. – Триста седьмой...

А Катарине вспомнилось, что она и близко не представляет, какой из кабинетов занимает Хелег. Он ведь где-то здесь, в этом каменном склепе...

Не стоит.

Позже подумает. Сейчас стоит сосредоточиться. Вспомнить, что она следователь, а не продавщица, пойманная за продажей особо дефицитного товара. И вины за ней нет... и права она... права...

...главное, уверенность в себе.

Перед кабинетом она вновь заставила себя сделать глубокий вдох.

Постучать. Стук не должен быть робким, как не должен быть наглым. Войти.

– Добрый день, – без улыбки, поскольку для нее не место, но голосом ровным, спокойным.

– Добрый, добрый... – мужчина, сидевший за огромным, в полкабинета, столом, был немолод.

Невысок?

Или, скорее, пытался казаться невысоким. Катарина отметила, что вся обстановка в этом кабинете специально подобрана, чтобы создать ощущение незначительности, мелкости хозяина. Он привстал. И клетчатым платком отер лысину. Указал на стул.

Простой.

Жесткий. И наверняка неудобный. Хелег как-то обмолвился, что стулья в управлении особые, что делают их такими, чтобы человек, которому придется сидеть на них, отвлекался на это неудобство.

Рассредоточенное внимание.

– Катарина Оложевич...

– Знаю, – прервал человек.

Серый костюм.

Стрижка та же, что и у Хелега. А в остальном – ничего похожего. Хелег высок, из редкого числа мужчин, которые выше Катарини.

Хелег не позволил бы себе так заплыть. Живот. Щеки. Два подбородка. Уши и те казались толстыми, но мужчину, кажется, это не печалило.

– Не стоит волноваться, – он потер кончик носа, и без того покрасневший, лоснящийся. – Вас никто ни в чем не обвиняет. Мы лишь хотим понять, что произошло...

...Хелег младший зрячий. А у этого – зеленые лычки. Как минимум – третий ранг, а то и второй. И мысли Катарини ему видны, как на ладони. А ничего-то запретного у нее в мыслях нет.

– У всех в мыслях мелькает что-то да запретное, – он усмехнулся. – Поверьте, это нормально... и волнение нормально, и прочие чувства... все-таки у нашего Отделения несколько специфическая репутация. И не могу сказать, что она не заслужена.

Он вздохнул.

– Нольгри Ингварссон. Но не обижусь, если обращаться станете по имени. Все же мои родители были несколько старомодны... да... а теперь это доставляет массу неудобств окружающим. Вас уже можно поздравить?

– С чем? – удивилась Катарина. Вот уж чего она не видела, так это поводов для поздравлений.

– С помолвкой? Кажется, это так называется. Вы ведь согласились?

– Я... – Катарина поняла, что краснеет. Горячая волна, поднявшись изнутри, разлилась по щекам, по шее. – Я...

...она была бы помолвлена, если бы не письмо.

Проклятое письмо.

– Значит, предложение он так и не сделал? – губы Нольгри Ингварссона – как бы ни сложно было его отчество, но обращаться к дознавателю по имени не самая лучшая идея – дрогнули в улыбке. – Что ж... это интересно... очень интересно...

– Ситуация... я понимаю... – жалкий лепет. – Следует проявить благоразумную осторожность...

– Осторожность и трусость разные вещи. На вашем месте, когда предложение прозвучит, я бы трижды подумал, стоит ли его принимать.

Молчание.

Стол блестит. Ни пылинки. Как это у местных уборщиц получается? Или они силу используют? Нет... это как-то нерационально... сила нужна для иных, куда более важных дел.

Но стол блестит.

И на полированной его поверхности отражается желтое солнце лампы. Слева шкаф. В шкафу – серые папки одинакового размера. Справа – окно. На подоконнике круглый горшок с фикусом. И растение не выглядит заброшенным, напротив, фикус крупный, с лоснящимися листьями, по всему видно, что жизнью он весьма доволен.

– Решите... все решите... вы молодые, разберетесь сами... а вам рекомендовал бы не экранироваться.

– Я... не специально. Это свойство такое...

– Да, да... в вашем личном деле было... жаль, что уровень ваших способностей недостаточно высок, чтобы работать у нас... с другой стороны, способности – это еще не все... далеко не все... вот бывает, что способности хороши, а человек – дерьмо... или не дерьмо, но глуповат... или слаб... или еще что не так.

Он вздохнул.

– Давно надо пересмотреть нормы... для толковых сотрудников дело всегда найдется.

Работа?

В Особом отделе?

Катарина онемела. Он ведь не всерьез?!

– Всерьез, вполне всерьез... само собой, не сейчас, но на перспективу... могу ли я рассчитывать, что вы... подумаете?

– Да.

И если вдруг случится такое чудо, если... в родном Управлении Катарину, говоря по правде, недолюбливают. В этом отчасти ее вина... женщина, выбравшая мужскую работу... об этом и «Правда» писала, краткая заметка, но и она наделала шуму... в Управлении не любят тех, кто выделяется, а она выделяется.

Не по своей воле, само собой...

Просто так получилось. Дядя Петер предупреждал, что так оно и будет, а ей все казалось – преувеличивает.

Нет...

– Понимаю, – а голос у него мягкий, бархатный.

У Хелега пока не выходит говорить так, чтобы голосом очаровывать.

– Вы женщина, которая посмела не только бросить вызов мужчинам, но и превзойти их...

– Я не...

– Бросьте, Катарин, ложная скромность вам не к лицу. Вы умны. Проницательны. Это вы впервые заметили закономерность...

– Ее сложно было не заметить.

– Сложно. Согласен. Бабочки на телах... но их предпочитали игнорировать... с этим мы еще разбираемся...

Он говорил негромко, почти шепотом.

– ...вы не просто поняли, что действует один и тот же убийца... вы заставили вас поверить... это ведь было непросто?

Непросто.

Серийный убийца?

В Хольме не может действовать серийный убийца, а книги, на которые ссылается Катарина, они ведь запрещены? Нет? Зря... все одно авторы их – познаныцы, а значит, заведомо неблагонадежные личности...

– Вам, если не ошибаюсь, запретили заниматься этим делом, но вы не послушали. Не побоялись угрозы увольнения...

– Он убивал. Я должна была его остановить.

Нольгри Ингварссон кивнул.

– Понимаю. Это и отличает хорошего следователя от плохого. Вы хороший следователь, – он постучал пальцами по столешнице. – И потому все это... в высшей степени неприятно.

– Вы о... письме?

– Когда он вам начал писать?

– В меже прошлого года...

– Но письма приходили на адрес Управления?

Катарина кивнула.

– И вы предполагаете, что приходили они давно, но до вас внимания на них не обращали...

Она вновь кивнула.

– Я спрошу у вас, а вы хорошо подумайте... насколько вчерашнее письмо похоже на предыдущие? Не спешите. Закройте глаза...

Катарина подчинилась.

Предыдущие?

Первое... измятое, вытащенное ею из мусорной корзины. Кто-то вскрыл конверт. Увидел бабочку и... она утратила всю прелесть свою, белая полуночица, слишком хрупкая, чтобы выдержать подобное обращение. Полупрозрачные крылья...

Нет, не о бабочке думать надо.

Белый лист.

Бумага плотная, хорошего качества. Такой пользуются чертежники. И их же проверяли, но бумагу можно купить в любом магазине. Двадцать три гроша за дюжину листов. Каждый разрезан пополам. Лезвие тонкое, острое и край получается почти гладким, но...

...и у того, вчерашнего.

Аккуратность.

Клей канцелярский обыкновенный.

Наносился тонкой кистью из беличьего волоса. Это уже потом выяснили, когда... не отвлекаться. Главное, что он аккуратен. Ни капли клея не выходило за крыло, да и сами крылья, тончайшие, легчайшие, были идеально расправлены.

...подпись.

...всегда два слова.

...буквы округлые, с легким наклоном влево, что необычно. Латинское «t» с крохотной перекладиной, отчего оно на «l» похоже.

– Очень. Похоже, – вынуждена была признать Катарина.

Дознаватель кивнул.

Он ведь и сам знает. Он видел письмо. И заключение на руках имеет. Предварительное, но все-таки... у них копии дел, материалы...

– Хотите взглянуть? – он протянул Катарине тонкую папку. – И да, ваши подозрения не безосновательны. Данное послание во всем идентично предыдущим. Какой вывод?

Он у Катаринины спрашивает?

Вывод... нельзя спешить с выводами... дядя Петер был бы недоволен... нет, он сначала изучил бы то самое злосчастное заключение, наметив в нем с десяток, а то и больше, слабых мест. Слабые места всегда есть. К примеру, ни слова не сказано о характере среза, а меж тем сравнение лезвия, которым он сделан, многое может сказать... чернила... цвет совпадает, но и только... перо, которым была сделана надпись...

– Не прячьтесь, Катарина. Не разочаровывайте меня.

Это было произнесено с мягким упреком, от которого похолодели руки.

– Он мог... мог предположить, что рано или поздно его возьмут. Приговорят. И оставил кому-то... кому-то знакомому... письмо, чтобы его отправили...

– Логично. Только вы сами понимаете, сколько в вашей теории... пробелов. Кричкова, конечно, была личностью харизматичною, но близких людей, настолько близких, чтобы доверить им подобную миссию, в его окружении не выявлено.

– А...

Ее прервали взмахом руки.

– Вы же понимаете, мы тщательно проверяли, всех и каждого... биографии... связи... большинство знакомых его были поражены, узнав правду...

– А меньшинство?

– А меньшинство, как вы понимаете, нам не поверило. Вам не поверило, – он сделал акцент на слове «вам». – К моему преогромному сожалению, в обществе сейчас как никогда сильны упаднические настроения. Число сомневающих в правильности нашего пути растет. И нельзя давать им ни малейшего повода обвинить нас... скажем, в судебной ошибке.

– Не было ошибки!

Катарина сорвалась на крик.

Ей самой было стыдно.

И все-таки... не было ошибки!

– Вы уверены? – мягкий вопрос.

– Уверена, – она заставила себя говорить спокойно. – Я брала его... не просто задержала, но... над телом девочки, которую он потрошил... как бабочку потрошил. Прибил руки к деревянному щиту. Ноги...

– Я читал материалы дела.

– Тогда почему...

Нольгри Ингварссон сцепил руки в замок.

– Катарина... вы не против, что я просто, по имени? Возраст дает свои преимущества...

– Не против.

Ей ли возражать...

– Так вот, Катарина, я не даром заговорил о вашем нынешнем положении. Оно в крайней степени неустойчиво... еще более неустойчиво, чем когда вы только начали работать. Тогда вас согласны были терпеть. Посадить на мелкие кражи, бытовуху... всегда найдется, чем загрузить. А вы мало того, что отыскиали себе дело, так еще посмели его раскрыть. Заставили признать ваши заслуги. И поверьте моему опыту, вам этого не простят.

Катарина стиснула сумочку.

Ничего нового она не услышала. Да и... сама знала... сначала небрежение, которое и не пытались скрывать. Конечно, полезла... куда полезла? Ей бы в секретари. Или в ткачихи. Или еще куда, где женщинам место, а она в следователи.

Потом назойливость.

И попытки проломить стену. Хелег, тогда еще чужак, незнакомец, которому попало в руки ее письмо с подборкой фактов.

Дело.

Хмурый начальник, тщательно скрывающий недовольство, впрочем, получалось плохо. Коллеги. Назначение это и тихая радость, когда у нее не получалось. Затаенное ожидание: когда же ее, неудачницу, снимут. И собственный страх, что это ожидание не напрасно.

Потом удача.

Ошеломление... суд... поздравления сквозь зубы... и непонятная ей ненависть.

– Не переживайте, – Нольгри Ингварссон похлопал Катарину по руке, а она и не заметила, что он встал и выбрался из-за стола. – Они просто чувствуют, что вы умнее и сильнее. Мужчинам неприятно осознавать собственную слабость. Вот и ищут виноватого. Как всегда, не там...

Что ему надо?

К чему эти разговоры?

– Дойдем. До всего дойдем... к примеру, до того, что, если в Управлении узнают о письме, вам придется несладко. Как минимум, вас обвинят в некомпетентности...

– Я взяла того...

– Знаю. Ведь был суд. Открытый, прошу заметить, процесс. И приговор выносили не мы с вами, но судебная коллегия... и не по слухам, но на основании доказательств. Заметьте, доказательную базу формировали не вы, а ваш непосредственный начальник. Не стесняйтесь напомнить ему об этом, если вдруг ему вздумается в чем-то вас обвинить.

– В чем?

Катарина устала от этого дела.

– Время покажет... на первый взгляд вы во всем правы... и взяли Кричковца с поличным... и признание было получено чистосердечное... и копии допросов имеются, на которых он пространно описывал, что и когда делал. И места захоронений, им указанные, проверены... не безрезультатно, да...

Он замолчал, позволяя Катарине оценить сказанное.

Она ведь сама знала.

И про признание.

И про допросы... ей позволили присутствовать, хотя Кричковцом после поимки и занялся Особый отдел. Но он отказывался разговаривать с кем-то, кроме нее, вот и пришлось. С нею он был предельно откровенен. Он словно издевался, рассказывая в мельчайших подробностях, как ловил своих бабочек.

Он и ее назвал бабочкой.

Мертвая голова.

Лестно? Пожалуй... тошно еще. Его рассказы порождали кошмары, с которыми Катарина не умела справиться, и даже робко попросила Хелега о помощи, но он отказал.

Правильно.

Сила не для того дана, чтобы чужие кошмары лечить. Есть ведь способы проще, то же снотворное.

– И на первый взгляд этого более чем достаточно... на первый и на второй, и скажу более, на третий тоже... однако...

Выразительная пауза длится, казалось, бесконечно. Катарина и дышать-то забыла, а потом вот вспомнила, только все равно легче не стало. Воздух в кабинете был спертым, тяжелым. Ей бы на улицу. Ей бы пройти под дождем и без зонта.

– Однако любые доказательства можно... скажем так, извратить...

– Как?

– Как? – переспросил дознаватель. – Обыкновенно... скажем, взять то же чистосердечное признание... вспомним, что Кричковец в последний момент от него отказался и заявил, будто бы признание это было сделано под воздействием неких препаратов, а также дознавателя с которым, заметим, у вас возникли внеслужебные отношения. И вроде бы мелочь, но... найдутся те, кто скажет, будто бы и вправду... заставили человека признаться в том, чего он не совершал.

Мерзко.

И на языке появился знакомый привкус гнилой воды.

– А как же захоронения, которые...

Дознаватель вздохнул.

– Мы речь ведем об общественном мнении, а оно фактами редко оперирует. Нет, Катарина...

– А... улики...

Говорить тяжело.

Дышать тяжело. Тянет подойти к окну. Раскрыть створки... в городе воздух пахнет дымом и асфальтом, и еще камнем, людьми, и эти запахи ее успокаивают.

– Улики... да... конечно, улики, – Нольгри Ингварссон собрал бумаги в папочку и аккуратно завязал ее на бантик. – Но... вспомните... вы подошли к складу одна. Вы вызвали подмогу, но дожидаться ее не стали.

– Я надеялась, что та девочка еще жива.

...и она была бы жива, приди Катарина на полчаса раньше. Эта девочка тоже приходила во снах. Не укоряла, но лишь смотрела печально, потом гладила себя по изрезанным щекам, качала головой, которая с трудом удерживалась на лоскуте кожи, и исчезала. А Катарина вновь просыпалась, уже в слезах.

– Я понимаю... вы рисковали. Все же Кричковец мужчина и в неплохой физической форме. Вооруженный... и вас вполне заслуженно представили к награде.

...еще один повод для зависти.

И шепоток, что эта выскочка слишком много себе позволяет... нарушила протокол... специально выбрала момент... многое говорили, что Катарина старалась не слушать.

– Но взгляните на все с другой стороны. В том амбаре были вы и Кричковец. И вы утверждаете, будто взяли его над телом жертвы, а он... где же это...

На столе появилась другая папка, тоже серая, но на сей раз с розовыми завязками. Розовый цвет в этом кабинете был оглушающе неуместен.

– ...вот... конечно... он утверждал, будто услышал крики о помощи. Бросился. Спугнул истинного убийцу. И решил помочь девушке, развязать ее... вот и испачкался в крови. А пила в его руке, с которой вы его застали...

– ...отпиливающим голову...

– ...нужна была, чтобы освободить несчастную от веревок.

Нольгри Ингварссон замолчал, позволяя Катарине осмыслить услышанное. А она пыталась. Искренне пыталась.

– Лет пятнадцать тому мы бы просто закрыли вот это дело, – дознаватель постучал пальцем по папке. – Но в сегодняшних обстоятельствах... реформы...

Он вздохнул и потер красноватые от бессонницы глаза.

– Гласность... демократизация... – он выплевывал слова, не скрывая своего пренебрежения. – В какой-то мере идея хорошая, но границы быть должны, а они стерлись, и это чревато многими бедами... взять хотя бы огласку, которую получило это дело...

Катарина молчала.

– Во времена моей молодости никто не посмел бы и тени сомнений выразить, а сейчас... продавцы обсуждают правомочность принятых нами решений. Дворники разбираются в дока-

зательной базе. Художники и прочие независимые, – Нольгри Ингварссон скривился, – личности вообще берутся составлять петиции в защиту этого ублюдка... поверьте, мне пришлось с полудюжины писем от разных коллективов, готовых взять Кричковца на поруки.

– Что?!

– Да, да... первое меня тоже несказанно удивило, после пятого я просто перестал обращать внимания на подобные глупости. Мы с вами знаем, что ублюдок был виновен. Виновней некуда. И смерть он заслужил. И желание некоторых личностей запретить смертную казнь, конечно, понятно... все же порой имеют место печальные факты служебных ошибок, но...

Вздых.

И переплетенные пальцы.

Тонкие. Белые. Холеные.

Хелег тоже руки берег. Он никогда не мыл посуду и уж тем более не помогал со стиркой, впрочем, справедливости ради, вещи свои Хелег сдавал в служебную прачечную. Да и в квартире его убирались.

– Не должно было оставаться ни малейшего шанса, что этот ублюдок однажды окажется на свободе... да... мы были правы. Осталось мелочь, доказать это всему миру.

И он усмехнулся.

От этой усмешки Катарине сделалось дурно. Сердце оборвалось, а тело онемело. Она попробовала было шелохнуться, да только...

– Извините, – Нольгри Ингварссон протянул стакан воды. – Я и не понял, что вы столь эмоциональны. Хелег рекомендовал вас как крайне сдержанную особу...

Вкуса воды Катарина не ощущала, да и стакан держал Нольгри. Ее руки по-прежнему ей не подчинялись.

– Ничего, пройдет... – Нольгри Ингварссон забрал воду. – Вы дышите глубже...

Голос его обволакивал, и напряжение отпускало.

– Лучше? Отлично... уж простите, чем старше, тем меньше ее контролируешь сознательно, а бессознательно получается... всякое. Не сердитесь?

Катарина покачала головой.

– Вот и хорошо... уж потерпите... недолго осталось... итак, возвращаясь к письму... неприятно, но... нам стоит выработать единую стратегию. Первый вариант. Письмо отправил кто-то близкий Кричковцу, желая отомстить вам... или нам всем?

– Вряд ли... – со стороны собственный голос Катарины прозвучал жалко.

– Согласен. Изю всех возможных вариантов этот наименее... реалистичен... второй. Кричковец на самом деле не виновен.

– Нет! – она облизала пересохшие губы. – Если это необходимо, я согласна на... полное погружение...

Неприятная процедура.

Болезненная.

И в тот, прошлый раз, когда Катарине пришлось пройти ее, она долго приходила в себя. Но ведь пришла. И теперь неделя-другая на больничной койке кажется не столь уж высокою ценой.

Не ценой вовсе.

– Похвальная самоотверженность, но нужды в том нет. Мы вам верим, – сказал Нольгри Ингварссон, наполняя стакан доверху.

А графин почти не опустел.

Как такое возможно? Он не так и велик, пинты на три будет. И то наполнен до середины. Графин прозрачен. Хрустальный? Определенно. Вон как сияют грани в тусклом свете лампочки...

– Остается третье, – дознаватель протянул стакан. – Пейте. Вода, уж поверьте моему опыту, самое верное средство, чтобы чужой морок смыть... пейте-пейте...

А ведь не только вода.

Что-то в ней есть такое, горьковатое. Или привкус лишь мерещится? Надо взять себя в руки. Дядя Петер был бы недоволен. Он не единожды повторял, что нельзя расслабляться даже наедине с собой, не говоря уже о людях. А Катарина не просто расслабилась, она размякла.

Вот и поплыла.

Она поставила стакан на протянутую газету.

– Спасибо, больше не хочется.

– Врете, – равнодушно отметил Нольгри Ингварссон. – Хочется. Но вы мне больше не доверяете... плохо, конечно, однако сам виноват... итак, третий вариант из возможных. Я имею в виду возможные реальные...

И замолчал, позволяя Катарине додумать.

Вежливость, не более того.

И за эту вежливость стоит быть благодарной, только получается плохо. Мысли разбрелись, что свидетели от протокола, поди, собери всех и приведи в сознание. А надо... надо... жаль, булавку она из рукава вытащила. Булавка здорово помогала прийти в себя.

Третий вариант.

Если Кричковац виновен... это факт.

Если он мертв... тоже факт.

Если письмо отправлено после смерти, что вновь же – факт. Остается...

– Он работал не один, – медленно произнесла Катарина. – У него был ученик...

– Или учитель...

Глава 4. Следственная

Я в этом мире не для того, чтобы соответствовать вашим ожиданиям.

Ответ некоего юного шляхтича своему наставнику в отчаянной попытке обрести независимость, трагически оборванной свежими розгами.

Квартировался пан Кругликов в доходном доме на Левонабережной. К слову, Правонабережной в городе не имелось, как и самой реки. Городской пруд и троица фонтанов разной степени заброшенности рекою никак считаться не могли.

А вот поди ж ты.

Дом сей стоял будто бы на горочке, что придавало обыкновенному в общем-то строению некоторую помпезность, которую лишь усиливала обильная лепнина и четверик пухлястых колонн. На портике в позе валяжной и ленивой возлежала слабо одетая дева, на ножке которой с немалым комфортом устроилось голубиное семейство. Дворник, по утрешнему времени трезвый, грозился голубям метлой, но поганые птицы на угрозы не обращали ни малейшего внимания. И верно, что им дворник-то?

– Ваш бргродие! – появлению полиции дворник отнесся без малейшего удивления. Вытянулся в струнку, прижавши метлу к груди. Голову задрал, отчего лопатообразная рудая борода грозно встопорщилась. Сошлись над переносицей косматые брови. А мокрый картуз съехал на самую макушку. – Звольте длжить! В-в-верном объекте тишь!

Голуби вытянули шею, прислушиваясь. А один и вовсе скользнул сизою тенью на вычищенные до блеска плиты.

– Спасибо, – Себастьян слез с коляски. Вот же... год тому назад соскочил бы, а теперь то ли кости ломит, то ли душу крутит, то ли... лучше б просто мышьяку, право слово, не так бы мучился.

Дворник щелкнул каблуками и, убедившись, что высокое начальство не изволит гневаться, осведомился:

– А вы за Бабужинской?

Голубей прибавилось. Они словно чуяли, что перед домом их вот-вот произойдет нечто, в высшей степени занимательное, чего пропускать никоим образом нельзя, а потому спешили.

Дворник же, поправив картуз и свисток, который, как и положено, висел на веревочке, продолжил.

– Я уж ей, шлендре этакой, говорил, что доиграется... где это видано, чтоб в приличественном доме устраивать невесть что...

– Что?

Вот этого вопроса задавать не стоило.

...панна Бабужинская, представлявшаяся честным людям чиновничьей вдовою оных людей вводила в заблуждение, хотя всем известно, что в прошлом она если и выходила замуж, то за человека чинов малых, незначительных. А ныне она врать изволит, будто бы от мужа ей остались в наследство некие важные документы про строительство... чего? Того доподлинно не известно, может, дороги, может, королевского дворца нового, а может, сказывали, дома призрения. Главное, что всем понятно, – земляца-то, где строить станут, подорожает, вот панна Бабужинская и пользуется. А сама-то мошенница редкостная...

...а пан Григорчук из третьей преподозрительными делами занимается. Уходит ночью, возвращается на рассвете, а днем из квартирки носу не кажет. И всем врет, будто за звездами смотрит.

– Почему врет? – Себастьян ущипнул себя за руку.

– Так ведь понятно. Вчерашнего дня ночь была безлунная. И тучи. Какие звезды?

Действительно, какие звезды...

...пан Кушметов из двенадцатой с племянницей своей сожительствует. То есть, он всею особу представляет племянницею, но сходства промеж ними ни малейшего, а раз так, то и родства быть не может. К тому ж, где это видано, чтоб степенный мужчина, писатель и поэт, племяннице чулки шелковые покупал да бельишко... откуда известно? Да кто ж, как не Никита Фролыч ему пакеты до квартирки доносил? Они-то легонькие да виду известного, такие в одной лавке только выдают...

...а панна...

– Стоп, – Себастьян понял, что если не остановит добровольного помощника, то рискует оказаться в курсе всех прегрешений, больших и малых, сотворенных жильцами доходного дома номер три. – Погодите... это вы все...

– Задкумтировал! – бодро отчитался дворник. – В псмнном виде!

– В письменном – это хорошо... а что вы скажете про пана Кругликова...

Дворник поскучнел.

Огляделся.

И наклонившись к Себастьяну – а росту Никита Фролыч был преизрядного, да и по сложению вполне мог бы заменить колонну входную – проговорил тихо:

– Он с Хольмом знается.

– Да неужели?

А перегаром от Никиты Фролыча не пахло. Знать, не злоупотребляет.

– Ненадежная личность, – от возбуждения и речь дворника предивным образом выправилась. – Наших малюет... прости Вотан...

Он сплюнул.

– Откудова деньги? А денег имеет... ковер давече купил. Шерстяной. Еще шифоньеру. Стульев три.

– Почему три?

Дворник пожал плечами. Тоже, видать, не знал.

– Зеркало... и костюм новый. Два.

Новый костюм, само собою, преподозрительное обстоятельство, да... голуби раскурлыкались. Они топтались, пихая друг дружку, подбираясь к самым ногам дворника.

– Пн Крглков, – Никита Фролыч заговорил громким шепотом. – Пржде скуп был...

...скуп.

...сие Никита Фролыч доподлинно знал, потому как все жильцы к нему относились если не по-доброму, то с уважением, уважение сие выражая по-разному, кто словом добрым, кто чем посущественней. Вот пан Узняков из пятое и злотнем порой жаловал. Не каждый день, само собою, но когда во хмелю являлся, тогда он делался буен, все грозился... чем? А ничем, просто грозился, кидался ботинками, а одного разу желал на портику забраться и деве срамное предложение сделать, но сверзся, едино чудом шею не свернул. Да и как, чудом, Никитой Фролычем был пойман, спеленут и в дом отнесен, отдан на попечение законное супружницы, которая хоть и видится особой тихой, скромной, да себе на уме... за той раз он ажно три злотня дал, да и так... а вот Кругликов, тот вечно ходил, будто бы все вокруг ему обязанные. Никогда-то не поприветствует, ни о здоровьице не спросит, да и вовсе глядел, будто на вша...

А тут намерднн явился с бутылью сливянки.

Мол, окажи любезность, подмогни комоду снести. Куда? А из дому... и забрать дозволил, хотя комод эта была почти новою. Скрипела чутка. Дерево рассохлось, так его присобрать – дело недолгое. У Никиты Фролыча руки откудова надо растут. После еще приходил со старым ковром, но уже без сливянки. И еще табуреты вынести. Меблю менять желал. И в квартирке

ремонт учинить. К нему из «Баржеты» с образцами приходили, а в «Баржете» цены немилосердные, обои-то красота, верно, но все одно дорого выходит. Подешевше отыскать можно...

...прежде-то пан Кругликов копеечке счет знал. Одевался скромно, заказывал костюмы у Льва Гольцева, который хорошо шьет, но не так, чтобы отменно, ему до батюшки еще шить и шить, а потому берет недорого. Когда и вовсе готовое платье покупал. Рубашки вот по газете выписывал, полдюжины за злотень. И стирал сам, потому как прачка за тонкое полотно отдельно берет.

...ел всегда просто. Не ленился на рынок хаживать уже к концу дня, когда многое дешевле взять можно. И торговался знатно, Никита Фролыч сам видел. И главное, брал-то не меды, но сальцо там с прослоечкою, не чинясь и желтым, которое вовсе за медни отдавали. Капусточку квашену. Хлеб. В местечковой булочной дороже, зато всегда свежий, а он на угол ходил, скупал к вечеру нераспроданное...

– Вт, – Никита Фролыч перевел дух, видимо, подобные пространные речи были ему вновинку. – А тут кфт купил. Шкдных.

– Шоколадных, стало быть...

– Цтов... астр...

...астры осенью были дешевы, но все одно этикие траты в характер покойного не вписывались, если, конечно, Никита Фролыч не преувеличивал. Себастьян честно пытался вспомнить свое впечатление о покойном, однако оно не было.

Человек.

Обыкновенный.

По местным меркам из успешных, известных даже. И заказов, если Себастьян не ошибался, у него хватало. Значит, не бедствовал, но все одно был скуп... по натуре?

Или вынужденно?

Ничего, Себастьян разберется...

...и со скупостью.

...и с тратами этими... шоколад и цветы... что-то ему не нравилось этокое сочетание, ладно бы еще само по себе, так ведь голову, чай, не за астры отпилили.

Ключ от квартирки Никита Фролыч выдал. Оно-то, конечно, по правилам ключ этот должен был в сейфе управляющего храниться на всякий случай, однако служил Никита Фролыч при доме давно и без нареканий, а потому доверием облечен был немалым.

– Вы ткмо задним ходом, – смущаясь, попросил он. – Мыли парадное-с... а вс бтнки грзные...

Себастьян оценил.

И ботинки.

И холл просторный, светлый. И фонтанчик малый с золотыми рыбками, и диванчики с обивкой новомодной цвета беж. Уж на что скуп был покойный, да только квартира в этом доме стоила немало.

Можно было бы и попроще отыскать.

Скажем, без телефонного аппарата, который, блестящий и солидный, с окованным под серебро рогом, возвышался на тумбе.

Широкая лестница.

Красный ковер.

На каждом пролете – вазы с цветами. Запах сдобы и пряностей.

...если съезжать, то сюда...

...на время, само собой, потому как лучше всего, конечно, свой дом иметь, но пока подыщешь подходящий, пока ремонту затеешь на свой лад, пока мебель подберешь. Не ютиться же молодой жене в прокуренной конурке? Местные апартаменты приличны и воеводе будут по карману.

– Чтоб тебя, – Себастьян добавил пару слов покрепче.
Жена...

Надо было посадить... до выяснения... глядишь, сутки в камере и поспособствовали бы приведению в чувство... правда, вони было бы...

Что ж ему подлили-то, что так корежит?

...а за домом сад городской начинается, удобственно будет детишек выводить.

– Да твою ж...

Себастьян остановился, сделал глубокий вдох.

Помогло.

Он очень надеялся, что к вечеру эта дурь поыветрится. А если нет... ему придется туго. Но главное, не поддаваться. Себастьян слишком молод, чтобы гробить себя женитьбой.

...дверь была заперта.

Добротная такая дверь. Дубовая. На массивных петлях. С замком уважаемой фирмы. Ключ провернулся легко. Дверь открылась беззвучно.

Пахнуло... знакомо.

Не цветы.

Не пряности.

– Поставьте оцепление, – Себастьян с наслаждением вдохнул тяжелый спертый воздух.

– Втна рди... – Никита Фролыч охнул, побледнел, но остался на месте. И шею вытянул, сисясь разглядеть что-то. Запах и он ощутил, и сообразил, верно, что произошло нечто сверхординарное, что, быть может, никогда бы не должно было случиться в месте столь приличном.

Из-за двери видно было плохо.

– Ведьмак где?

Послали за стариком уже давно, но жандарм лишь руками развел: не прибыли-с.

И что делать?

Ждать?

Рискнуть?

Себастьян прислушался к себе.

Тихо... даже желание жениться несколько ослабло. Конечно, куда ему жениться, если у него жилья приличного нет.

...а квартирка-то освободилась. И цену за нее драть не станут. Попробуй, отыщи жилья, чтобы не пугливый и не брезгливый, Себастьян аккурат таков...

...не о том.

...темнота? Не слышно... и стоит ли себе верить в состоянии измененном? Стоит. Иначе он на пороге до ночи грозитя проторчать, если не дольше.

– Ты, – он поманил жандарма, который от такой чести несколько побелел, но послушаться не послушался. Совсем мальчишка, из новых, кого Себастьян взял, закрывая вакансии, а то ж старики ловко придумали, взяли да поделили место промеж собой, от и вышло на каждого по полтора округа. Толку-то с той работы... – Встань здесь и никого не впускай. Если вдруг услышишь что-то, унюхаешь там... или покажется... тогда ждите ведьмака. Разрешаю пригнать пинками.

Себастьян крепко сомневался, что пожелание это будет исполнено.

– А ты позаботься, чтобы сюда не лезли любопытствующие...

А любопытствующие будут, и думать нечего. И странно, что лестница пуста. То ли время раннее, то ли жильцы еще не заметили полицейский экипаж, но это ненадолго...

– Бдт сполн, вш благрд, – пробасил Никита Фролыч.

А Себастьян решительно переступил порог.

Шаг.

Всего-то один шаг.

А дверь закрылась беззвучно, и пусть Себастьяновой волей, но все равно показалось, что он сам себя от мира отрезал.

Запах крови сделался крепче.

И не только запах.

Крови было много. Даже удивительно, что с одного человека столько натечь способно. Или... конечно, не обязательно, чтобы вся кровь человеческою была, или вовсе кровью... но кто бы тут ни был, он постарался. Вот только Себастьяна от таких стараний здорово замутило.

Женитьба?

Какая женитьба, когда вокруг такое творится... и бабочек он никогда не любил.

Бабочки...

Почему бабочки?

На стенах. На полу, с которого ковер убрали, должно быть, потому что на ковре малевать было неудобно. Бабочки поползли по гнутым ножкам столика и раскрыли крылья на белом камне – под мрамор делали – камина. Бабочки, слепленные из кусков материи, прилипли к занавесям... и перебрались на потолок, но уже не сделанные, а малеванные.

Бурые.

Красивые и в то же время уродливые несказанно.

Разные.

Что ж, следовало признать, что человек, сотворивший сие безобразие, которое предстоит описать подробнейшим образом – почему-то мысль эта донельзя обрадовала, хотя в прежние времена Себастьян терпеть не мог отчетов – никуда не торопился.

Сколько времени он потратил?

И главное, чего ради?

Себастьян прошелся по комнате, стараясь ступать осторожно, по краюшку, дабы не нарушить узор... может, тайное послание? И если приглядеться...

Он глядел и так.

И этак.

И даже на стул забрался, благо, тот избежал участи быть размалеванным. Но ясности не прибавлялось. Напротив, от обилия бабочек зарябило в глазах.

– Разберемся, – буркнул Себастьян и прошел дальше.

Если первую комнату можно было поименовать гостиной, то теперь он оказался в спальне. Комнате... благо, здесь без бабочек обошлось.

Комната велика.

Светлые обои отменного качества, но не менялись давненько, вон, на стене самую малость светлей, нежели в углах. Кровать солидная...

...на такой только с женою спать.

...нет, без жены спится лучше. Мало ли, вдруг жена храпеть будет...

...если вдруг Себастьян все же соберется расстаться с такою удобной холостой жизнью, то надо будет проверить... или сразу список требований составить? Не любопытна, не болтлива, не храплива...

Тьфу!

Он едва не плюнул на пушистый ковер. Нашел о чем думать... а все-таки выветривается чудо-зелье, слава тебе Вотан, защитник простого люда от коварных бабьих происков.

...ковер.

...ворс высокий. Край – ровный. Подложка чистая да и пыли под ковром почти нет. И думать нечего, тот самый, новый, на который потратился пан живописец перед смертью. И комод... кажется, не так давно Себастьян имел честь лицезреть подобный в витрине местного магазина.

Один за другим Себастьян выдвигал ящики комода.

Белье.

Кальсоны... полотняные. Батистовые в цветочек. Шерстяные с начесом и пуговками. Рубахи нательные. Платки носовые. Нижний ящик вовсе почти пуст – пара белых шелковых чулок не в счет. Хотя любопытственно, зачем скромному живописцу белые чулки, ко всему женские?

На комод – пара подсвечников с оплывшими свечами и пустая рамка, из тех, что продают к дагерротипам за полтора медня...

Интересно.

Кровать... белье шелковое, хорошего качества, тоже, судя по виду, относительно новое... в беспорядке пребывать изволят, будто кто-то спал...

...двери.

Одна в гардеробную, весьма просторную.

...на двоих рассчитана, а потому с полдюжины костюмов в ней глядятся по меньшей мере жалко. Да и ношены они. Есть пара приличных, но те отдельно висят, упакованы в чехлы из сатину, чтоб не запылились. Выстроились шеренгой ботинки и туфли с острыми носами, сапоги зимние, растоптанные и рядышком – щегольские белые штиблеты, уж год, как вышедшие из моды. Имелись тут и сандалеты, каковые прилично было бы надеть к соломенной шляпе где-нибудь на водах.

В Гольчине вод не имелось, а вот сандалеты были.

И шляпа соломенная.

А к ней – кожаный картузик с тремя медными пуговками. И цилиндр был, высокий, лоснящийся, набитый драными подштанниками, чтоб, значится, от хранения форму не потерял и упругость. Странно только, что не в коробку положен, как соломенная шляпа с широкою лентой.

Себастьян шляпу примерил.

Глянул на себя в зеркало и фыркнул: вновь вы, воевода, себя не по-воеводску ведете, ибо вам надлежит не самому по комнатам хаживать, но отправить верных актеров, чтоб они да копытами землю рыли. Вам же, на старания глядячи, останется лишь кивать одобрительно иль брови хмурить.

По ситуации.

– Вотан упаси, – Себастьян шляпу вернул и вздохнул.

...уволится.

...точно уволится. Если его в местном городишке, спокойном да мирном бумаги мало что не одолели, то чего уж о Познаньске говорить? Нет, долгих лет Евстафию Елисеевичу, пусть и дальше сиживает он на казавшимся таким удобным воеводском месте, а Себастьяну и в акторах неплохо живется.

Вторая дверь вела в мастерскую.

Любопытственно.

Это он всех своих клиентов через спальню водил?

Или...

Обойдя комнату, которая оказалась перестроенною из двух, поменьше – этикие перемены, надо полагать, немалый ущерб карману нанесли – Себастьян убедился, что догадка его верна. Имелась и другая дверь.

Махонькая.

Неприметная.

Незапертая. И выходила она на черную лестницу.

– Эй, есть тут кто? – крикнул Себастьян, и эхо голоса его прокатилось по ступеням.

...кто...кто... кто...

– Сам хотел бы знать, – буркнул он, хмурясь.

Коль не отозвались, стало быть толпятся подчиненные его у парадные двери. Ждут высочайших указаний.

Издеваются?

– Ваше благородие! – отозвались снизу. – Это вы будете?

– Я.

Настроение улучшилось.

– А ты кто? – Себастьян свесился, силясь разглядеть хоть что-то. И все ж неудобно, получалось, что клиентам, коль таковые случались, пришлось бы подниматься по этой темной и узкой лестнице.

...или тем, кто представлялся клиентами.

...может, и вправду вся сия живопись сугубо для виду?

Нет, не стоит спешить с выводами.

– Егорка!

Егорка, значит... Егорка среди личного состава Себастьян не помнил. К стыду своему, он этот личный состав знал, мягко говоря, слабо.

– Подымайся, Егорка...

Себастьян поднял голову.

А ведь лестница на чердак ведет. И чердак оный аккурат над мастерской расположен. И заглянуть туда... Себастьян заглянет. От Егорку, кем бы он ни был, дождется и заглянет.

Егорка же поднимался быстро, перескакивая через ступеньку, а когда и через две. Он громко топотал, и топот этот уходил куда-то вниз, дробясь и порождая свое эхо, отчего казалось, что по лестнице несется целый гусарский полк.

С конями вместе.

Выскочивши на площадку, Егорка увидел Себастьяна и обмер.

Покачнулся.

Вытянулся. Щелкнул каблуками... попытался.

– Егорка, значит, – задумчиво произнес Себастьян, разглядывая приобретение. – И откуда ты здесь взялся, Егорка?

Был мальчишка невообразимо худ и страшноват. Круглая голова его торчала на шее, что тыква на палке. Шея была тонка и синевата, а голова, напротив, округла и ушаста.

Крупный нос.

Светлые бровки домиком.

Глаза ясные незамутненные.

– Так... я подумал, а вдруг кто выскочит, – сказал Егорка и покраснел. Ушами.

– И как?

– Не выскочил. Только от вы были и больше никого...

Форма на нем висела, перехваченная широченным, явно неформенным, ремнем. И полосатая жандармская палка на нем гляделась лишней.

– Ясно... идем. Писать умеешь?

– Ага, – Егорка шмыгнул носом. – И так, и стенографии обучен.

Надо же, как свезло...

– Отлично...

...мастерская просторна. Стены белые. Потолок... ковер вот темный и старый. Столик. Диванчик под полосатым покрывалом, что под попоною. Ваза с восковыми фруктами. Бутафорская колонна в углу. За нею – венец лавровый, который время от времени появлялся на государевых портретах. Или вот шлем бумажный, краскою покрашенный золотой.

Отыскался здесь и плащ из театральной блестящей ткани.

И целый ворох драгоценностей, сваленных в углу. Само собою, драгоценности тоже были бутафорскими, но сделанными вполне себе прилично.

Все не то...

Картины на подрамниках. Некая солидная особа в жемчугах... и еще господин без лица, но стати молодецкой. Шлем вот с плащом выписаны были тщательно, с любовью...

...краски, кисти.

Чистые холсты.

Альбомы с набросками, которые предстоит изучить тщательно, вдруг да среди них отыщется подсказка. Но больше ничего. Ни капли крови, ни тени чар, во всяком случае таких, которые Себастьян сумел бы услышать.

Он закрыл глаза, сосредотачиваясь на смутных ощущениях.

...желание обзавестись супругой почти сгинуло.

...брезгливость.

...и тьма... всполохи... редкие всполохи, которые могли бы быть случайны... но нет, не здесь... там, выше...

– Идем, – Себастьян поднял взгляд к потолку.

Белый какой.

Идеально ровный и идеально белый.

Почти.

Алое пятнышко в углу не бросалось в глаза, оно терялось среди оглушающей окружающей белизны. И все же...

...лестница.

Дюжина ступеней.

И дверь.

Массивная. Старая. С черным засовом, который повернулся легко. И ни малейшего следа ржавчины на этом засове Себастьян не обнаружил. И что это? Забота о доме? Или просто чердаком пользовались?

Тишина.

Голубей не слышать... а голуби чердаки любят... запах... тот же тяжелый запах крови, который и Егорка почуял. Замер на пороге, шею свою цыплячью вытянувши. Щурится, сисясь разглядеть хоть что-то. А что тут разглядишь? Оконца махонькие да и те грязью заросли. Сквозь них свет пробивается тусклый, но в потоках его пляшет пыль...

Пыли не так и много.

Убирались?

Если и так... уборка чердака не есть преступление.

– Держитесь позади, – велел Себастьян.

Тут было пусто.

Но эта пустота...

Еще пара бутафорских колонн. И между ними – белое покрывало, расстеленное прямо на полу. А на белом – алое. Неплохо смотрится, к слову. И золотая кайма не кажется излишеством.

На покрывале – дева.

Обнаженная.

Белая... слишком белая... человеческому телу этакая белизна не свойственна. Значится, и ее покрасили. Вот же... позер.

– Она... она ж того... – тихо произнес Егорка, хватаясь за рот.

– На месте преступления не блевать, – Себастьян махнул рукой. – Сбегай. Коль ведьмак прибыл, пусть поднимается... если не прибыл – актеров позови. Опись делать будем.

Он дождался, когда Егорка выйдет.

...пол чистый. Не просто подмели, но и вымыли... и эта картина... а ведь и вправду картина... полотно, покрывало... расправили так, что ни складочки.

Экий аккуратист.

И женщину... молодая, похоже, но не сказать, чтобы вовсе юная... поза неестественная. На спину уложили. Ноги выпрямили, а руки в стороны развернули, ко всему прикрепили к запястьям полупрозрачные шелковые шарфы... издали на крылья похожи.

Бабочки.

Конечно... вот для чего... она – его бабочка в рамке... видывал Себастьян этаких коллекционеров. И железный штырь, торчащий из груди, суть ничто иное, как булавка...

...но зачем он ей голову отрезал?

Голова была тут же, на блюдечке стояла, что, характерно, фарфоровом и, похоже, взятом из того же сервиза, что и предыдущая.

– Твою ж... Вотан милосердный, за что? – спросил Себастьян у небес, точнее у сводчатого потолка, под которым не водились голуби.

Ему не ответили.

Глава 5. В которой некая особа пытается осознать глубину своей вины либо же невинности

*Стою один среди равнины. Гольй.
Печальное окончание некой истории, рассказанной паном Н. во
хмелю и сердечной обиде.*

Катарина ждала.

Чего?

Тела.

Если прислали бабочку, то должно появиться тело. Она каждый день спускалась на второй этаж, перелистывала папку с заявлениями, пытаясь угадать, которая из них...

...ушла и не вернулась.

...так писали про тех девушек...

...ушла и...

И каждую новую бумагу брала дрожащей рукой, медлила и все одно читала. Разный почерк. Разные чернила. Почти всегда одно.

Ушла и...

...нет, многих находили... вот эта особа тринадцати лет, ее имя Катарина запомнила, имеет обыкновение сбегать из дому. И родителям не единожды внушение делали, предлагали отправить дочь в особый интернат, где умеют работать со сложными детьми.

Но нет...

...значит, снова сбежала. Сутки-двое и сыщется где-нибудь при железной дороге, в компании таких же беглянок.

Социально нестабильный элемент.

Быть может, прав Нольгри Ингварссон, утверждая, будто народ Хольма еще не готов принять перемены, что излишек свободы порой во вред?

...нет, эти мысли Катарина гнала. К чему думать о том, что изменить не в твоих силах? Уж лучше вправду делом заняться.

Заявлением...

...мужчина сорока трех лет. Не то. Он никогда не выбирал мужчин. Да и этот, судя по описанию, был силен, неудобная жертва, как сказал бы дядя Петер. Куда подевался? Загулял? Или стал жертвой разбоя? Катарина слышала, что завелась новая банда, которая грабила аккурат честных тружеников, поджидая оных возле рюмочных...

...алкоголь – зло, но...

...женщина. Сорок четыре года. Сбежала, оставив записку...

...к любовнику?

...или просто от мужа, который любил распустить руки?

Пропавших, к слову, было не так и много, да и находили почти всех...

...мальчик семи лет...

...стоит отметка, что найден. Сел не на ту линию и оказался в незнакомой части города... остановлен... опрошен...

Снова не то... все не то... но ведь была бабочка, и значит, тело тоже было. Разве что... разве что заявление о пропаже изъято Особым отделом. И тело, если бы нашли тело, они бы вызвали Катарину? Или... однажды она ошиблась, недопоняла...

...ученик или учитель?

Кто-то, кто стоял за спиной Кричковца, помогая, руководя...

...или впитывая извращенное знание чужой боли.

...он ждал.

...два года ждал... нет, не ученик. Ученики нетерпеливы, а этот... два года, пока шло следствие. Суд. Ожидание приговора... и вот приговор...

...он нарочно... конечно... если бы возникла хоть тень подозрения, что Кричковец работал не один, его бы не казнили...

Именно.

– Опять маньяка ищешь? – с неудовольствием поинтересовался Вересковский. Этот никогда не скрывал своего отношения к особам, которым в Управлении не место.

И докладные писал, думать нечего.

На всех писал, чего уж ее стороной обходить? Интересно, в чем обвинял? В пристрастии к алкоголю, как Бешкова? Или в связях, порочащих светлый образ следователя? Или...

– Нет, просто так, – она закрыла папку.

...а ведь Кричковец именно поэтому и признался. Он говорил охотно, не думал даже запирается... обо всем... в подробностях мельчайших. И тогда это казалось издевкой: он будто плевал в лицо Катарине, да и всему Особому Отделу этими самыми подробностями. А теперь... нет, издевка тоже была.

Смех на краю пропасти: Кричковец не мог не знать, что его осудят.

И от защитника отказался.

Не затребовал экспертизы, которая могла бы объявить его безумцем, не отвечающим за свои действия. И Катарин радовалась, ибо безумцев милосердно лечили, а Кричковцу она желала вышку и только вышку...

...безумцев обследовали.

...обязательное погружение. Болезненное. Выворачивающее на изнанку. Неприятное и для дознавателя. Хелег как-то обмолвился, что такое погружение может стоить разума, и потому применяют его лишь в особых случаях.

Спорных.

А еще оно не оставляет ни малейшей надежды на сохранение тайны, будь то махонький детский секрет или же взрослый, стыдный и страшный.

Нет, Кричковец ускользнул.

Умер и ускользнул.

И защищался он, говоря по правде, слабо...

...а они поверили.

...слишком хотели верить, слишком устали искать... и спешили завершить дело, не подумав, что все не может быть так просто. Даже вялое его сопротивление показалось ожидаемым.

Испугался суда?

И получив последнее слово, плакал? Молил о снисхождении?

Грош цена его слезам, как выяснилось. А тот, кто его учил... он бы следил за процессом. Конечно. Пристально. Внимательно.

Для него весь этот процесс был бы сродни игре.

– Когда тебя переведут? – Вересковский завис над столиком.

– Куда?

– В Особый...

Знает?

Нет, скорее так говорит, чтобы говорить. Или сплетню слышал. Сплетни порой бывают до отвращения близки к правде.

– С чего ты решил, что меня куда-то переведут? – Катарина старалась держаться ровно. С ними нельзя иначе. Дай волю страху – разорвут без жалости. Гневу – мигом обзаведешься репутацией стервы. Впрочем, будь она в самом деле стервой, как о том шепчутся, жить было бы легче.

– Ну как же, – Вересковский сдвинул папочки в сторонку и на стол взгромоздился. Была у него неприятная привычка шарить по чужим столам. И при хозяине не брезговал перебирать вещички, и без хозяина не стеснялся нос свой совать, куда не надобно. – Разве твой любовничек не похлопочет? Ты ж у нас отличилась, звезда вон... что тебе в разбойном делать?

Папочку раскрыл.

Взял лист верхний двумя пальцами. К носу поднес, словно бы нюхая.

– Прекрати, – Катарина лист забрала. – Так просто вы от меня не избавитесь.

...определенно, он бы следил за процессом. Но как? Не по радио, нет... сначала еще быть может, если опасался, что Кричковский заговорит, но потом... потом радио было бы мало, тем паче, что освещали процесс скупое весьма. И газет не хватило бы. А вот попасть на заседание... сложно, да. Пусть и объявили процесс открытым, но доступ дали далеко не всем.

...надо запросить список тех, кто посещал процесс.

И заодно фотографии. Зал ведь тоже снимали.

Качество будет не самое лучшее, но это лучше, чем ничего.

Хорошо.

Прав был дядя Петер, нет ничего хуже пустоты. Как ни странно, но поняв, что и как надлежит делать, Катарина успокоилась. Взяли ученика? Отлично. Возьмет и учителя...

...если ей будет позволено.

В кабинет начальника ее пригласил Баранчиков, в отличие от Вересковского, Баранчиков был почти нормален. Тихий. Незлобивый. Слегка бестолковый. Он вечно терял бумаги и сам в них терялся. Случалось, что не единожды сиживал среди выводка одинаковых с виду папок, задумчиво пялясь на какой-нибудь листок, вспоминая, из какой же папки он взялся...

Серьезных дел Баранчикову не поручали.

Над ним подшучивали, порой зло, но в то же время, невзирая на шутки, он был своим. И когда появилась Катарина, стал совсем уж своим, за что он ей втайне был благодарен.

– Там это, – говорил Баранчиков медленно, и голос его был нетверд, будто он, даже говоря, продолжал сомневаться, то ли он говорит и тому ли человеку. – Вызывают... тебя...

– Когда? – устало поинтересовалась Катарина.

А сердце все одно обмерло.

Пусть права она была.

Пусть тысячу раз права, но... они не упустят подобного шанса избавиться. Да и общественности, впервые с гласностью столкнувшейся, нужен кто-то, кого можно объявить виноватым. И пусть посадить не посадят, судить ее не за что, но отстранят.

Переведут...

– Так это... – Баранчиков переминался с ноги на ногу. И вправду было в его облике что-то баранье, эта вот покорность на лице. И само оно, чуть вытянутое, с отвислой нижней губой, с тяжелыми надбровными дугами, с белыми волосами, которые Баранчиков расчесывал на пробор, щедро смазывая воском, и волосы эти ложились по вискам такими крупными завитками.

– Сейчас, – выдохнул он.

И взгляд отвел.

Кабинет Харольда Ухгвардссона располагался на третьем этаже, в торце здания. И вела к нему красная ковровая дорожка с зеленым бордюром, которую подчиненные меж собой окрестили «расстрельной тропой».

Дверь.

Медная табличка.

За дверью – приемная с ореховым столом, за которым сиживала Хельга, бессменный секретарь и, как поговаривали, любовница, тоже бессменная. Катарину она не удостоила и взгляда: как-то не сложилось меж ними не то, что любви, но даже симпатии. Хельга была высока. Мужеподобна. И красный чесучевый костюм с юбкой на три пуговицы, не делал ее женственней. Квад-

ратные плечи. Квадратная короткая шея. Квадратная голова с высоким начесом. Волосы она красила в рыжий, из всей палитры выбрав оттенок, который категорически ей не шел.

– У себя? – Катарине надоело стоять.

Хельга повернулась.

Скривила узкие губы – помаду сегодня она выбрала лиловую...

...поговаривали, что отношение Харольда к просителю во многом зависит от расположения его секретарши. И расположение это пытались сыскать разными способами.

В том числе маленькими милыми женскому сердцу подарками.

Катарина старалась не верить.

– Занят, – сквозь зубы процедила Хельга.

...Хелег сказал, что это просто ревность. Катарина моложе.

Красивей.

И вполне логично, что немолодая и не слишком красивая, застрявшая в любовницах особа, недовольна появлением конкурентки. И говорил так спокойно, будто не было ничего предосудительного ни в этой противозаконной связи, ни... в остальном.

– Вызывал, – Катарина выдержала взгляд.

– Подождешь...

...ждать пришлось недолго. Хельга успела протереть от пыли две полки и листья матерого фикуса, поднесенного ей на тридцатилетие коллективом.

– Пришла? – Харольд сам соизволил выглянуть в приемную. – И чего ждешь? Снега?

– Сказали, вы заняты, – Катарина не удержалась от мелкой пакости.

В конце концов, не она начала бессмысленную эту войну, но и терпеть чужие нападки не обязана. Хельгу удостоили многозначительного взгляда, а перед Катариной распахнули дверь. А вот это что-то новенькое... прежде за начальником этаких любезностей не водилось.

– Проходи, присаживайся...

Кабинет свой Харольд Ухгвардссон любил, равно как и место, которое полагал честно заслуженным. Начавши службу в далеком городишке с гордым названием Князенск, он сумел показать себя и выбраться из провинциальной пучины. Не совсем, чтобы выбраться, все же Гельмгард тоже не был столицей, но в столицы Харольд не больно-то стремился. Оно, конечно, возможностей с какой-то стороны побольше, а с другой и конкуренция повыше.

И начальство непосредственное поближе.

И оступиться легче. А за каждым шагом твоим следят, ждут самой махонькой ошибки, чтоб пасквиль кляузнический сочинить... один пасквиль, другой... и прощай удобное кресло, если не служба. Нет, цену себе Харольд знал.

И место.

И был в общем-то жизнью доволен. А почему нет? Должность немалая, по местным меркам он и вовсе сразу за Князем идет, благо, тот об этаких мыслях крамольных ведать не ведает, а Особый отдел, за чистотой оных мыслей следить поставленный, занимается иными субъектами.

Есть апартаменты служебные.

Дача.

Жена правильная, готовая за доступ к спецраспределителю закрывать глаза на малые шалости супруга. Любовница опять же. От нее бы Харольд с удовольствием избавился, да нельзя, слишком много знает...

...и с каждым днем нахрапистей...

...он ведь ей сразу сказал, что ни о какой женитьбе речи быть не может. Начальник следственного управления должен быть обликом моральным чист, аки слеза младенческая.

Ну или как-то так.

И вроде поняла.

Приняла.

Притерпелась. Рада была. Отдал ей на откуп мелкие дела, а все при власти... но годы шли, Хельга не молодела, а дурь в голове копилась. Вот и накопилась...

...расскажет она.

...и ведь понимает, тварь, что, стоит рот раскрыть, как вместе пойдет. За мелкие какие грешки помиловали бы, верно, но ведь грешки давно уже не мелкие... чего ей не хватает?

Колечка на пальце?

Штампа в удостоверении, что милостью Хельма сочетались. Тьфу, все зло от баб, сие верно жрецы говорят. И понятно, что от новой подопечной Харольд добра не ждал. Подсунули... не нашли кому больше... а все Петер, чтоб ему на том свете беспокойно жилось.

...хорошая девочка...

...да плевал Харольд на всю ее хорошесть, не взял бы, кабы не старый должок и хорошая память Петера, который про этот должок напомнить не постеснялся. Мол, услуга за услугу, иначе... ссориться с Петером – себе дороже. Он, хоть и одной ногой в могиле стоял, напако-стить мог изрядно...

...а девка ничего оказалась. Крепенькая. Сисястая и задастая. Костюмчик форменный сидел кривовато, сисястости этой не скрывая. И, пожалуй, не будь Хельги, закрутил бы Харольд с новенькой... нашел бы способ подойти, хотя эта сопливица нос держала, что королева познаньская.

Мужики ее невзлюбили.

Нет, держались бы в стороночке, если бы Харольд прикрикнул.

А он не стал.

Зачем?

Он свое дело сделал, принял в отдел, честь по чести, а что не удержалась – ее беда. Он не сомневался, что новенькая через месяц-другой запросится на перевод. И он пойдет навстречу.

Не сразу.

Но пойдет... договорится... все же жена была некрасива, да и Хельга по сравнению с этой многое теряла...

...придется с ней что-то да решать, и как можно скорей.

Как ни странно, новенькая не плакала. Не жаловалась. И мелких пакостей не замечала. А когда крупные пошли, пригрозила докладную составить. Мол, одно дело – личная неприязнь, и совсем другое – намеренная диверсия.

Диверсанты, блин... пособирались... дальше хвоста собачьего не видят.

Обвела всех девчонка.

Сначала, когда она со своей теорией безумной явилась, Харольд оторопел.

Серийный убийца?

Здесь?

Ересь и чушь...

Запретил.

А она запрета ослушалась. Упрямая. Прямо как Петер... понятно, почему старый хрыч, к бабам относившийся куда хуже Харольда, девчонку пригрел, просил за нее. Уволить бы, но...

...Особый отдел.

...вмешались... тоже вороны, летят на падаль... когда появился тот высокий парень со снулыми глазами, Харольд оцепенел. Первая мысль: узнали. Кто донес? Как? И ноги подкоси-лись. И сердце оборвалось. И потянуло признаться. Глядишь, и не по вышке пошел бы...

...а он про Катарину выспрашивать стал.

Характеристику затребовал.

После и кабинет отдельный выделить пришлось. Для работы. Харольд выделил. На другом конце здания. Оно-то чем меньше с Одаренными встречаешься, тем дольше и спокойней жизнь твоя. И надежда появилась, что девчонка доигралась.

Особый отдел – это вам не бирюльки.

А она взяла и права оказалась. Экая наглость! И что было Харольду делать? Дело громким вышло, слишком уж громким... небось, при прежнем Князе ни одна газетенка и вякнуть бы не посмела, а тут... объявили гласность... тьфу.

...теперь избавиться от сучки было делом чести, а то мужики-то, которые прежде начальника уважали и побаивались, ныне всякий страх потеряли. Вроде оно-то все как раньше, да только по глазам видно – смеются.

Проворонил серийника.

Девчонка сопливая нос утерла. И какой ты после такого начальник? Оно и верно, что никакой.

Ишь, глазищами зыркает. И все ж, чего в ней особист углядел-то? Оно-то и понятно, сиськи изрядные, на такие глядеть – одно удовольствие. Задница тоже имеется, крепенькая такая, упругая, но на одной заднице далеко не уедешь. Вон, за собственной супружницей Харольда, которая пусть давно уже утратила и то очарование молодости, каким обладала, тесть стоял, человек большой и с нужными связями.

Он помог Харольду на первых порах.

...или особисту большего не надо? Или... слыхивал Харольд, что их контора для своих и невест непростых ищет. У ней-то активного дара нет, иначе б отметили в личном-то деле... да и с даром не пошла бы она в следователи, средь особистов-то баб хоть и немного, но имеются. Латентная форм? Тогда да, тогда и детки одаренными рождаются, тут уж и гадать нечего. А за папкой пойдут – тут и династия... там династии привечают.

И Харольд, приятно удивленный этакой своей догадливостью, по-новому глянул на следовательшу. Она-то знает? Знает. Умненькая. И не коробит, стало быть... а с другой стороны, чего коробится? К этакой кормушке припасть... небось, его женушка не побрезговала бы...

...и не одна она...

...за особиста пойти – удача бабе... всю жизнь при особом доме, при пайке нулевого классу, при талонах на «Хатьяру»... супружница намекала, что в оной «Хатьяре» отрезки чистейшего шерстяного сукна завезли. А еще шелк и поплин, мол, из сукна костюмчик ему было бы неплохо сшить, а уж ей-то...

...начальник смотрел.

Сидел и смотрел. Глаза у него были круглые рыбы. Кожа желтоватая, что подкопченная. Над верхней губой усики топорщились. На щеках – бачки. Челочка реденькая, но длинная, до самых бровей. А уж те – косматы, срослись над переносицей.

Щеки-подушки.

Нос остренький.

Ладно, нос, но вот взгляд, будто не на человека, а сквозь него смотрит. И неудобно. И хочется вскочить, вытянуться в струнку да и сознаться во всем.

В чем?

Катарина не знала. Но заставила себя сидеть спокойно. Про этот прием дядя Петер тоже рассказывал. Харольд молчал. И Катарина тоже.

Улыбалась, стараясь, чтобы улыбка эта была безмятежной, и смотрела, не на начальника – лишнее это, а на портрет Князя.

...молод.

...только пару лет, как сменил на посту предыдущего. Катарина помнит еще траурные полосы на передовицах газет. И службу в Храме, где пришлось отстоять всенощную.

И кровь, которую сдавала добровольно.

Все сдавали.

А ей было страшно резать руку черным, точно обугленным клинком...

...и еще одно богослужение, на сей раз во здравие... и вновь кровь... на сей раз легче пошло...

Князь очень молод.

И это хорошо, как сказал Хелег. Страну давно пора было встряхнуть. Прошлые Князья, конечно, работали во благо Хольма, однако понимали это благо весьма своеобразно. Они боялись нового, не замечая, что вся страна погружается...

...нет, не об этом надо думать. Вряд ли ее позвали затем, чтобы провести разъяснительную беседу по девятой директиве...

– Тобой интересовались, – торжественно произнес Харольд.

Он пожевал верхнюю губу, и белесые усики встопорщились. Катарина промолчала.

– Не спрашиваешь, кто? Правильно... зачем тебе... ты и так знаешь.

– Не знаю.

Легкое недоверие, мол, мы-то свои, чего уж вид делать. А она не делает. Она не знает. Догадывается.

– Особисты просят временно перевести тебя, да... – он вытащил из портсигара папироску, помял, смахнул табачную крошку с сукна. – Просят, понимаешь ли... оказать содействие... если ты не против.

Он тоненько хихикнул и глазом подмигнул. Мол, мы-то понимаем, что глупцов, которые этакой просьбе противятся станут, во всем Хольме не сыскать.

– Рада служить, – тихо произнесла Катарина.

– От и замечательно... от и чудесно... тогда садись, пиши рапорт о временном переводе...

Писать пришлось под пристальным недобрым взглядом. Ощущение не из приятных. Катарина не могла отделаться от мысли, что Харольд Ухгвардссон неким неизвестным ей и современной науке Хольма способом все же сумел заглянуть в ее голову. И увиденное там ему категорически не понравилось.

...но если ее переводят, пусть и временно...

...не означает ли это...

Означало.

Экипаж ждал.

И не просто экипаж, но собственный Катарины.

– Я слышал, что вы окончили курсы вождения, – заметил Нольгри Ингварссон, который удобно расположился на втором сиденье. Кожаный шлем с очками несколько выбивался из общего строгого стиля, присущего как дознавателем в целом, так и ему в частности. – Поэтому взял на себя смелость отпустить водителя. Справитесь?

Катарина только и смогла, что кивнуть.

Самоходные экипажи только-только пошли в производство, хотя поговаривали, что придуманы они были давно, но предыдущий Князь в силу некоего личного предубеждения – увы, и в них остается много человеческого – счел изобретение неперспективным.

– Кстати, мне интересно, почему из всего Управления, в котором насчитывается без малого полторы сотни сотрудников, на курсы отправили вас и еще... этого... как его... – Нольгри Ингварссон щелкнул пальцами. – Баранчикова?

Экипаж на двоих.

Из новых.

Те, на которых Катарину учили, были попроще. Погрубей. Ящики на колесах, так ей показалось в первый раз. Тугие в управлении. Неудобные. И медлительные.

...а почему она? Потому что никому больше не хотелось ехать в другой город на месяц. Жить в бараке-гостинице. Слушать нудные лекции о повышении трудовой дисциплины и эффективности работы. Нет, были и лекции, и барак с комнатой на восьмерых. Для Катарины, единственной женщины – вот уж сомнительная честь – нашлась махонькая каптерка с топчаном. Уступил за малую плату местный дворник.

– Последняя модель. Одобрена лично Князем, – Нольгри Ингварссон провел ладонью по крылу. – «Серебряный призрак».

Призрак?

Призраки другие... а это чудо... обыкновенное такое чудо из металла и дерева. Вытянутый нос с острым шипом, будто рог единорога торчит. Крылья гнутые. Колеса с серебристыми колпаками...

...и все Управление тарашится.

А тогда, по их возвращению, на Катарину смотрели, словно на врага... Баранчиков расстрепал, что лекциями дело не обошлось? Будто она сама, оттеснив других желающих, вырвалась в Ирчидай...

Она сел.

Вдохнула запах кожи.

Металла.

Жженой резины. Тронула панель: дерево и не из простых пород. Лак... хромовые кольца... приборов куда больше, чем на том, первом. Вот это явно скорость показывает. А это – уровень горючего... бак полный, что отлично.

– Бака хватает на сорок миль примерно, – Нольгри Ингварссон наблюдал за ней с добродушной усмешкой. – Но переживать не стоит. В багажном отделении имеются две запасные канистры. Ко всему вам, наверное, будет приятно услышать, что начато строительство особой механической станции для обслуживания самоходных экипажей...

Голос его был бодр.

Почти как у диктора, который зачитывал последние новости.

...а про станцию ничего не сказали. Впрочем, оно понятно. Во-первых, наверняка проект секретный. Во-вторых, новости зачитывают Хольма, а не местные...

...но станция – это хорошо...

...вот только сколько в этом городке экипажей наберется?

– За нашим управлением числится полтора десятка. Еще двадцать поступят в течение полугода. В том числе – семь на ваше Управление, если там найдется хотя бы парочка водителей.

Семь?

А Харольд знает?

– Вы удивительно эмоциональны. И даже не пытаетесь эмоции скрывать...

– А надо?

– Вы правы. И не надо. И бесполезно. Но что вы? За нами наблюдают. Вперед, Катарина... продемонстрируйте, что те курсы были не бесполезной тратой времени и сил...

Стоило ему сказать, что за Катариной наблюдают, и ладони разом взмокли.

– Не стоит думать о неудаче, – Нольгри Ингварссон постучал по круглому циферблату. – Принцип тот же, а то приборов чуть больше, так это ерунда, разберетесь... я вот подскажу. Что не понятно?

Катарина молча указала на хромированный круг у самой рулевой колонки.

– Это уровень заряда кристалла.

– Кристалла? – в том первом экипаже кристаллов не было, как не было вообще магии.

Ни капли.

Чудо механики. Торжество разума над обстоятельствами.

– Видите ли, Катарина, эксперименты показали, что сочетанное воздействие значительно повышает эффективность работы. Все же чистая механика несколько...

Он щелкнул пальцами, но подходящего слова не нашел.

– «Призрак» развивает скорость до пятидесяти километров в час. Вот так, поворачивайте ключ в замке...

Мотор зарокотал ровно, глухо.

И дальше руки действовали сами.

Рычаги.

Педали.

Тихий вздох, с которым экипаж тронулся с места. Плавно, как их учили. Никаких рывков. Никакого насилия. Он принял Катарину, этот «Серебряный призрак». И это показалось хорошим знаком.

– А куда мы... – опомнилась Катарина, вырулив на главный проспект.

– В Управление, само собой, но вы прокатитесь... это будет полезно.

А кому полезно, не уточнил. Катарина воспользовалась предложением. Экипаж шел легко, подчиняясь даже не действию – желанию Катарины.

Главный проспект.

Высокие дома. Широкие мостовые. Люди... люди замирали, хотелось думать, что в восторге и удивлении. Конка прижалась к обочине, и возница выскочил, повис на поводьях, сиюсь успокоить вороного жеребчика... дети...

Дети кричали.

И подкидывали шапки. Некоторые пускались бегом, сиюсь догнать серебряное чудо, но разве это было возможно? Нет, Катарина не гнала, пусть ей и хотелось попробовать те самые обещанные пятьдесят километров...

...учебные не выдавали больше семнадцати, да и те – с немалым трудом, на идеально ровной дороге. Демонстрационно... учащимся не позволяли подниматься выше десятки.

Она свернула на Липневую.

А оттуда – на Белосвятскую. Круг получился большой, но в этих улочках Катарина была уверена – не застрянут. Не хватало еще...

И вот – узкая горловина Новодворья.

К счастью, здесь не было ни магазинчиков, ни складов, а потому конные повозки редко сворачивали на тонкую извилистую улочку.

– А вы рисковали, – заметил Нольгри Ингварссон, когда Катарина остановила экипаж перед парадной лестницей. – Это хорошо... излишняя осторожность вредна.

Руку ей подавать не стал.

Она не сразу вышла, не находя в себе сил расстаться с таким чудом. Даже если ей не будет позволено вновь сесть за руль, Катарина запомнит эту поездку.

По лестнице подымались молча.

На сей раз не было страха, лишь некоторое удивление – неужели она, Катарина, и вправду будет работать здесь? Пусть временно, но...

...огромная честь.

...доверие.

...ответственность.

...и она не имеет права подвести, не только Управление, на Управление ей, в сущности, плевать, но дядю Петера, который в Катарину верил. И еще тех девочек... из-за них Катарина здесь. И из-за ублюдка, вновь начавшего игру.

Подъем.

И знакомый кабинет.

Нольгри Ингварссон открыл дверь сам, рукой махнул, мол, проходите. Указал на кресло, не то, которое запомнилось Катарине в прошлый раз. Куда оно подевалось? А какая, в сущности, разница, главное, что новое было куда как удобней. Массивное. С черной обивкой. С широкими подлокотниками. Стоило сесть, и Катарина поняла: это кресло сделано для нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.